

ДАНИЛА РОМАХ

ВРЕМЯ
НА СТОРОНЕ
ЗЛА

РАЗБИТАЯ
НАКОВАЛЬНЯ

Магия бессмертных

Данила Ромах

Разбитая наковальня

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ромах Д.

Разбитая наковальня / Д. Ромах — «Эксмо», 2023 — (Магия бессмертных)

ISBN 978-5-04-180898-3

Приключенческое фэнтези, сказка для всех возрастов про обаятельных мастериц кузничного дела, которых обманули древние твари. Человечество ждёт тяжелые времена, загадочное существо из глубин времён читает об этом. Три прекрасные дочери кузнеца, отправляются в опасное путешествие по континенту Эпилога, чтобы собрать древние технологии, иначе проклятье накроет мир. Время на стороне зла. Успеют ли мастерицы к сроку – или им суждено сгинуть, вслед за древними секретами кузнечного дела? В иллюстрированное издание входит роман, приложение и рассказ: Разбитая наковальня; Леннины записки; Мёртвый бог.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-180898-3

© Ромах Д., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Разбитая наковальня	6
Вступление	6
ЗАНЬ: часть первая	19
ЗАНЬ: часть вторая	26
ЛЕННА: часть первая	34
ЛЕННА: часть вторая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Данила Ромах

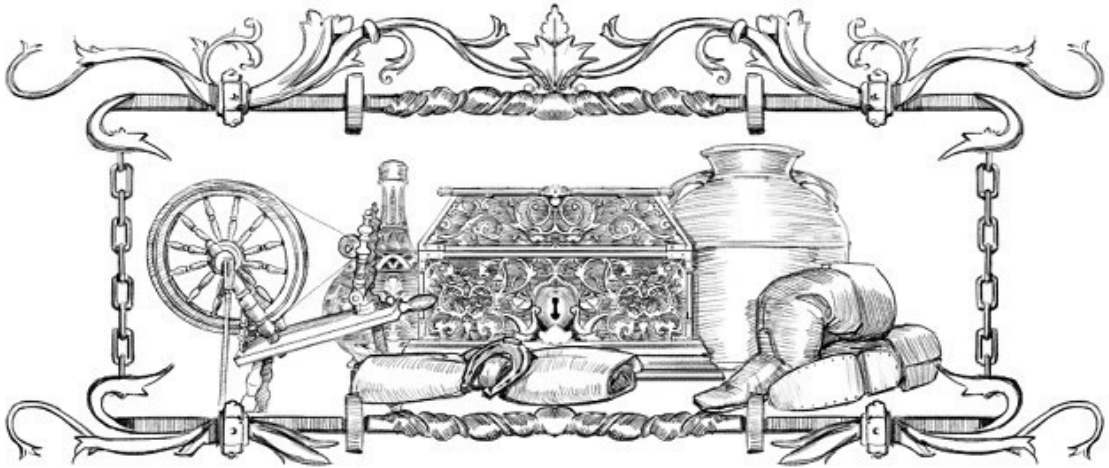
Разбитая наковальня

© Ромах Д., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Разбитая наковальня

Вступление

Во времена Ложных Корон, за целые века до рождения Коалиции и последующей войны, стоял близ пересечения трёх широких рек небольшой город Киррик. Основанный талантливым кузнецом, окружённый непроходимыми лесами с одной стороны и пресными водами – с другой. На Киррик можно было выйти по мощёной дороге да хитрыми тропинками. Укрывшись от лесного зверя за частоколом, городок этот жил и рос, будто против воли своенравных богов: хворь огибала тёплые избы, коронованные резными коньками, в каждом дворе водилась здоровая скотина или хотя бы пятёрка добротных кур, рыба сама лезла в широкие сети, а почва под ногами была щедра круглый год, лишь холодными зимами скрываясь за плотной вуалью снега.

Славился Киррик среди бывалых путешественников и купцов обилием знатоков всякого ремесла, потому и звался городом-мастерской. Здесь жили резчики, гончары, кожевенники и ткачи, из поколения в поколение передававшие тайны и хитрости своих профессий. Бесконечно ценны были эти знания, ведь собирались они отовсюду и бережно хранились от забвения, как труднопроизносимые заклятия, оставшиеся с давнишних времён немymi страницами. Путешественники, хорошо знакомые с историей и культурой Киррика, нередко сравнивали его жителей с Бессмертными – детьми Самой Седой Смерти, что так же бережно хранили знания мира внешнего и внутреннего, только в глубоком, закрытом от смертных глаз Некрополе. Вечные за редким исключением соглашались иметь дела со Смертными, чего нельзя было сказать о предприимчивых и любезных жителях города-мастерской.

Конечно же, в Киррике промышляли и кузнечным делом. Отца семейства владеющих металлом звали Реголом Стуком. Этот высокий и крепкий мужчина с пламенно-рыжей шевелюрой был достойным наследником непростого дела: с родовой наковальни вышло без малого тысяча подков, пара сотен мечей и сабель, полчища гвоздей и несколько изделий такой тонкой работы, что уму и таланту кузнеца позавидовали бы по другую сторону злых океанов. В литье Реголу тоже не было равных: плавильня, тонушая в углях, отгоняла неудачи облаками пепла да дыма и бурлила будущими шедеврами. В закромах Регола скрывались десятки литьевых форм, оставшихся наследием ещё со времён предка-основателя, в честь коего и назван город.

Регол принимал заказы охотно, никогда не пытался облапошить клиента на лишнюю монету, к каждой работе относился ответственно. Не было ни одного наездника, воина или купца, что после не поблагодарил бы мастера Стука за честный труд. По слухам, один из

искусно выполненных Реголом мечей оказался в руках Александэра Хмурого – мудрого полководца и преданного воина Истинной Короны. С этим клинком Александэр вёл свой поход сквозь королевство, сшивая разрозненные братоубийственной смутой лоскуты в целое государство, дабы не повторить судьбу соседской Регалии.

Кузнец воспитывал трёх дочерей в одиночку: любящая жена умерла при родах. Регол не держал обиды на местного знахаря, что чарами да отварами своими до последнего пытался скрепить увядающее тело и отходящую Смерти душу, но горечь утраты посеяла в мастере истлевший уголёк. Боязно стало ему за семью свою.

Оставшись с дочерьми-тройняшками, Регол принялся растить себе помощниц. Учил он чад своих уму-разуму, с самого их детства прививая любовь к семейному ремеслу. Ещё совсем малышками бегали дочери по кузне от суетливых искр, подавали отцу инструменты, внимательно следили за работой мастера. А как затихала кузня под вечер, укладывал Регол детишек к спокойному крепкому сну, не забывая передать чрез красно слово простые истины. Даже в сказках, что слагались в огоньке свечи, предостерегал отец о коварных людях, скрывающих свою хитрость за вуалью ночи иль при ярких солнцах; о силах гадких, тёмных, как смоль да сажа; о демонах и о тех, кто всякого демона будет стократ хуже.

Прошло много лет, и пуще прежнего загремели молоты, взвыл страшным рёвом горн, подгоняемый мехами, искрами наполнилась кузня. Отныне четыре мастера ваяли мечи да подковы. Мудрый Регол словом да примером выучил трёх красавиц непростому делу. Лицами те были бледны, как снег, с волосами рыжими, как горново пламя, глаза сияли зелено, как морские волны.

В одну из зим, в ночь, что стала длиннее дня, гремела работа. Не зная лени, ваяли сёстры изящный клин, убаякивая стуком захворавшего в морозы отца. Не давали мастерицы продыху кормилице-наковальне, что пережила уже несколько поколений Стуков.

Старшая сестра – могучая станом Игна – всегда бралась за самую тяжёлую работу. Сильна была не по годам, ростом с отца родного, волосы подрезаны выше плеч. Её характер – тяжёлый и крепкий – был схож с двуручным молотом, коим чаще сестёр работала мастерица в кузне. В сиянии искр, исходящих от клинка, она гремела против воя метели за дверью, и в каждом ударе чувствовалась мощь необычайная, лишь мастеру подвластная.

Средняя сестра – высокая лбом Ленна – стояла близ всей работы и клещами держала неугомонный клин на месте, не сводя с него холодного взгляда. Две косы обрамляли светлую голову, а рука тянулась чаще к книге, нежели чем к инструменту. Там, где не было достаточно лишь грубой силы, не стеснялась она дать старшей дельный совет, коими голова светлая полна. Если делать – то по уму, зная каждый угол, под которым надо бить, каждый знак, что подаст металл.

А коли силы да ума недостаточно, то помочь могла лишь младшая сестра – чуткая сердцем Зань. Собирала она свои волосы непослушные в пучок всякий раз, когда отправлялась в кузню. Стоя во главе горна, чуя дыхание пламени в нём, не отпускала дочь Регола рукоять мехов да угля кусок. Доверившись лишь чувству своему, способна была мастерица уберечь огонь от смерти, клин – от излома, а родных своих – от тёмных мыслей.

Три сестры – лицом одинаковы, да чертами различны – едва расслышали сквозь рабочий гул посторонний звук. Сначала подумали, что доска в полу скрипела иль отец с кровати поднялся. Но сей негромкий стук, едва слышимый в песне зимы, доносился снаружи, за массивной входной дверью, на засов закрытой. Зань, переглянувшись с языками пламени, подошла к порогу и окликнула незваного гостя:

– Чего вам?

Никто не ответил, лишь снова постучал.

Ленна, отставив клещи, встала подле младшей и спросила, не отворяя:

– Кто пожаловал?

И вновь – тишина. И один громкий стук.

– Не учили отвечать на вопросы, а?! – Игна, не выпуская из руки молота, отогнала сестёр, засов сбросила и распахнула дверь, едва не сорвав с петель.

На неё беззвучно, брошенным плащом, упал незнакомец. Холодный, как лёд на трёх реках, укутанный в три слоя от пят до затылка в одежды худые, он не мог выдавить из себя ни звука. Сёстры оттащили незнакомца в глубь кузницы, встали вокруг него и быстро переглянулись. Зань наклонилась, достала из кармашка гвоздь и легонько ткнула гостя в ногу: без движения. Рукой она над лицом закутанным провела, желая поймать дыхание, и сказала тихо-тихо:

– Помер. – Она с печалью взгляд опустила.

– Быть не может, – полушёпотом возразила Ленна, – так настойчиво стучать – и сразу сдохнуть? Живой он, точно говорю.

– Должно ли нас это волновать? – спросила Игна, не ожидая ответа. – Металл стынет, холодного воздуха пустили, от клина отвлеклись. Пусть либо приходит в себя, либо в мир иной отходит.

– Да.

– Точно.

Сёстры вернулись к работе. То ли от вновь поднявшегося грохота, то ли от нагоняемого горном жара незнакомец зашевелился. Жизнь возвращалась в него так, как обычно покидать должна: то пальцем дёрнул, то ногой, то по всему туловищу дрожь пробежала. Наконец, жадно вдохнув тёплый воздух кузни, неизвестный спросил у спасительниц:

– Мой брат... Остался за дверью?.. – и пробормотал тихо: – Впустите его тоже, прошу...

Средняя сестра, разобрав от силы половину произнесённых в дрожи слов, метнулась на улицу, согреваемая лишь собственным любопытством. Вторая фигура, что ростом была выше мастера Стука на голову, молча тонула в снегу. Как глыба, не нашедшая себе роли лучше, чем просто стоять наперекор жестокой зиме, второй незнакомец не сразу почувствовал, как его схватили за рукав, а потом вовсе толкнули в спину. Он с негромким звуком встретил дверную раму своим крепким лбом.

– Осторожно! – ахнула Ленна. – Такой детина и такой глупый! – возмутилась она, уставив второго гостя к первому.

– Не злитесь на него, пожалуйста... – почти слёзно упросил стучавший, приподняв голову. – Улулад, братец мой, как ты? Жив ли ты?

– Как всегда, – протянул второй, – только холодно.

Улулад поднял своего товарища, поставил на ноги, отряхнул от снега, прошёлся по кузне взглядом бессодержательным.

– Мы пришли? – спросил Улулад.

– Да, мы пришли. – Брат его кивнул. – Хвалю твою наблюдательность.

– Спасибо.

Тяжело вздохнув, Игна отложила инструмент и обратилась к незнакомцам. В ней не было ни любопытства, ни страха перед неизвестными – гостями явно далёкими, да недалёкого ума, раз решили отправиться в Киррик зимой, ещё и в каких-то тряпках вместо тёплых одежд.

– Кто такие и чего надо? – спросила она громко, но холодно.

– Дэнда, – показал стучавший на себя. – Улулад, – показал на брата. – Миску горячего, выпить и немного вашего времени. – Он пустил руку себе за пазуху. – Пожалуйста.

Предупреждая все недовольства, Дэнда протянул Игне ценную монету, поблёскивающую в свете горна. Уж золото настоящий мастер и в темноте разглядит! Старшая сестра одобрительно кивнула: по крайней мере, гости представились, прямо и без лишних слов, подкрепив просьбу деньгой. Настоящий делец, таких принято в Киррике уважать.

– Ждите здесь. Отец спит, один громкий звук – и вернётесь туда, откуда пришли, со здоровенной шишкой посреде лба.

Гости кивнули обмотанными головами.

– Сестрицы, дайте им поесть и выпить, – распорядилась Игна, не сводя глаз с чужаков.

Подали гостям мясного супу только-только с огня и холодного, прямо как по погоде, пива. Двое, стянув часть своих одеяний, показали хмурые лица и принялись за еду. Кожа у них была цвета алого, глаза большие и светлые, как полные луны, чёрные густые волосы собраны в пучки на затылке. У Дэнды лицо узкое, с длинным прямым носом, а глаза маленькие и юркие, как у заядлого вора. Улулад, напротив, имел голову широкую и бесформенную, будто горшок руки дурного гончара, узкие кривые губы и пустой взгляд, устремлённый сквозь стены кузницы.

– Из каких далей они к нам приплыли? – тихо спросила младшая.

– За каким срочным делом явились посреди ночи? – прошептала средняя.

– Пусть доедят, а там всё разведем, – заключила старшая, рассматривая монету. – Деньги у них водятся, это мы уже знаем.

Двое, не присаживаясь, съели и выпили всё без остатка. Улулад было собрался облизать пустую миску, но Дэнда вовремя выхватил её из здоровых рук.

– Большое спасибо, – кивнул тот, возвращая посуду, а затем ткнул локтем в бок товарища: – Скажи: «спасибо».

– Спа-си-бо, – произнёс медленно Улулад. – Еда вкусная.

– По какому делу вы явились? – осведомилась старшая сестра, скрестив руки. – Я вас слушаю.

– Можно ли присесть?

Странникам подтащили два табурета. Дэнда, оперевшись локтями в ноги, водрузил подбородок на сцепленные пальцы, затем кивнул товарищу на свободное место. Тот присел, не отрывая взгляда от чего-то, видимого только ему одному.

– На самом деле мы к вашему отцу, – признался он негромко.

– Сейчас он недомогает, мы работаем за него, – пояснила Ленна.

– Тем проще. Вы ведь большие мастерицы во всём, что касается металла?

– Верно! – не стесняясь, ответила Зань.

– И в навыках не уступаете достопочтенному Реголу?

Сёстры неохотно кивнули: не хотели затмевать они талант отца. Дэнда улыбнулся, ненадолго обнажив плотный ряд острых зубов. Кажется, последние его сомнения в состоятельности молодых кузнецов засим пропали.

– Тогда мы оставим вам заказ! – произнёс гость почти торжественно. – Заказ непростой, скажу сразу. Мы с моим другом отчаялись, бродя по всему свету в поисках достойного мас...

– Говорите уже, что вам надо сковать. Только время тратите, – нетерпеливо перебила Игна.

Дэнда слегка опешил, ведь далеко не каждый встреченный за долгие годы человек смел ставить ему поперёк слово. Не то чтобы сам он был большой любитель разговоров: в его делах речей мало. В мыслях он простил девушку и продолжил:

– Нам нужно оружие. Не оружие даже, – скоро поправил себя Дэнда. – Шедевры кузнечного дела. По завету нашего господина... – Он вопросительно посмотрел на товарища: – Улулад, напомни-ка...

– «Одно оружие, чтобы врага моего бить. Одно оружие, чтобы меня защищать. Одно оружие, чтоб волю мою исполнять», – ответил громила голосом властным, гневливым – не своим. – Так велел владыка.

– Слово в слово повторил, – Дэнда улыбнулся, – а говорят, что у тебя голова ненадёжная...

«Заказ непростой», – молвила Ленна своим сёстрам одним лишь взглядом. Игна недоверчиво покосилась на гостей.

– Из чего вам изготовить ваше оружие? – спросила Зань, уже взвешивая в руках два слитка. – Не бронзовыми же клинами вам махать? Быть может, калёным железом? Или сразу предложить великую сталь?

– Нет, нет и нет. – Дэнда разочарованно замотал головой. – Эти металлы сильны, но недостаточно. Мы дадим вам материал.

– Заново сковать, – внезапно добавил Улулад, – дать жизнь умершему. Знакомо.

– Не обращайтесь внимания, – рассмеялся Дэнда, возложив руку на плечо товарища. – Мысли братца блуждают где-то вне пределов нашего мира. Ладно, Улулад, где там груз наш?

Улулад, очнувшись от обрывков памяти своей, поплёлся на улицу, а через несколько мгновений вернулся с тяжёлым окованным сундуком. Он возложил его напротив сестёр-кузнецов.

– Как ты мог бросить металл без присмотра?! – взвился Дэнда, вскочив с табурета.

Улулад лишь уставился сквозь дощатый пол, не ведая ни стыда, ни сожаления. Не дожидаясь ответа, Дэнда достал из-за пазухи грубый ключ, нащупал хитрую замочную скважину где-то на торце сундука и принялся его отпирать. Внутри приглушённо щёлкнуло, и крышка подпрыгнула на высоту фаланги пальца.

– Любуйтесь, трогайте, проверяйте. – Дэнда отошёл немного в сторону. – Материал не из простых. Уж я-то знаю... – подозрительно тихо добавил он.

Дочерна грязные, что ни острия, ни заточки не видно, с прогнившими рукоятями, поломанные и погнутые – лишь осколками древнего воинского дела томились в сундуке останки мечей, топоров и кинжалов. Некогда грозное оружие, пропавшее в безымянных могилах на сотни лет вместе со своими хозяевами. Игна узнала один из мечей и сильно удивилась: частично сохранившимися линиями он напоминал детище формы литьевой, что лежала в подвале среди наследства Стуков.

– Знакомо? – усмехнулся Дэнда, поймав тревогу в глазах молодого кузнеца. – Это были некогда великие мечи, но сейчас от них мало толку...

– Вы разграбили могилы, чтобы достать их! – гаркнула гневно Игна, вновь взявшись за молот.

Она сделала несколько скорых шагов к Дэнде, но путь ей преградили сёстры, явно не желавшие столь необдуманной расправы над гостями. Улулад, заступивший перед Дэндой, оскалился и тихо зарычал. Во взгляде его проснулось нечто дикое.

– Вовсе нет, – Дэнда вновь замотал головой, аккуратно обходя брата, – мы не занимаемся такой грязной работой. Те, у кого мы их выменяли, подобным промышляют, но точно не мы, – самодовольно бросил алый странник. – Не разносить же находки обратно по гробам?

– Какой чудной металл... – прошептала Зань, что уже ковыряла гвоздиком присохшую к куску древнего клинка грязь. – Междумировы Жители! – громко воскликнула она.

Зань явила сёстрам осколок. Освободившаяся от налёта времени линия на нём оказалась гладкой и чистой. Неведомый металл, что должен был прогнить и рассыпаться в прах, под грязью сиял, как только скованный. Никакое железо, никакая сталь не смогли бы сыскать в себе и десятой доли такой крепости! Зань, не спрашивая разрешения, подкинула клещами фрагмент меча в горново пламя, чтобы после одним ударом о наковальню сбросить вскипевшую грязь.

– Осторожно, дура! – прикрикнула старшая сестра.

Зань, в своём чутье уверенная, дотронулась вновь до чистого металла ладонью. Ленна бросилась за припаркой от ожогов, что стояла на полке, но младшая сестра подняла невредимую руку.

– Он холоден, – неуверенно призналась она, будто не веря собственным словам. – Как труп, холоден. Это Драконья Гибель, ведь так? – обратилась Зань к Дэнде.

Тот лишь самодовольно ухмыльнулся. Ленна, не явив доверия ни гостю, ни сестре, взяла очищенный кусок, сжала в руке так, что чуть не пустила себе кровь. Несколько искр пробежало через металл, высвободившись быстро угасающими точками света.

– Действительно, колдуново железо, – покивала она.

– Но кто станет ковать мечи из металла, что годится лишь колдунам да знахарям? – спросила старшая сестра не то у всех присутствующих, не то у самой себя. – Он дорог и ломок, совершенно не годится для холодного боя.

Игна взяла у сестры кусок меча. Сначала, закрепив в тисках, она хотела фрагмент древнего орудия погнуть, испортить – но осколок не поддавался. Тогда мастерица положила его на древнюю наковальню. Определив себе точку удара, Игна хорошенько размахнулась, раздался громкий одинокий звон. . . Молот отскочил от клинка, как копыто от пыльной дороги, а мастерица, потеряв ненадолго равновесие, чуть не упала на пол. Улулад, сохраняя совершенную пустоту в глазах, удержал Игну за плечи.

– Крепок, зараза!.. – она грубо вырвалась из рук странника и отложила инструмент.

Дэнда, всё это время молча наблюдающий над опытами сестёр, лишь пожал плечами, выказывая полное отсутствие удивления результатам. Затем он со всей возможной осторожностью приподнял осколок кончиками пальцев и метнул обратно в сундук.

– Видать, отец вам мало чего рассказывал, – произнёс он с нотой разочарования. – Искусство создавать оружие из Драконьей Гибели жило и погибало множество множеств раз, исчезало вместе с немymi мастерами лишь затем, чтобы родиться вновь в других умах. До сих пор мы не встретили кузнеца, способного выковать даже ножа из колдунова железа. . . Но почему-то мне верится, что я да братец мой закончили свои поиски, – добавил он многозначно.

Сёстры переглянулись. Казалось, что пора выставить незваных гостей, закрыть дверь на засов и вернуться к работе, не вспоминая ни вслух, ни в уме об этой встрече. Но Ленна, не сдержав природного любопытства, решила прояснить хотя бы для себя один-единственный вопрос – немного глупый, отчего ответ мог стать очевидным и опровергающим домыслы молодой мастерицы:

– А зачем вашему владыке оружие из Драконьей Гибели?

– Не ваше дело, – отрезал Дэнда.

– Демоны желают вернуться, – произнёс негромко Улулад, не отводя взгляда от горизонта. – Мы должны защитить владыку от посягательств на жизнь его. Должны. Должны. Должны.

Сёстры были повергнуты в глубокий шок. Великая дрожь кротко коснулась даже стальных рук Игны, что всем видом не выдавала и тени ужаса. «Если хоть половина рассказов отца правдива, значит, на королевство – нет, на весь континент! – упадёт страшная беда. Неужели эти двое с алой кожей и светлыми глазами – предвестники чудовищного века?» – сверкнуло в её уме.

– Ну вот, не можешь ты держать язык за зубами, братец Улулад, – забормотал раздосадованно Дэнда, – девушек в могилу сведёшь такими громкими словами.

– Он не врёт, странник Дэнда?! – Зань, места себе не находя, мерила мастерскую шагами. – Демоны и Опалённые вновь сойдутся в бою?!

– Мы никогда не врём, – прояснил Дэнда, не скрывая обиды, – ложь – удел двуногих. . . А про Опалённых мы знать не знаем: святыня их закрыта надёжно и глубоко, а что от них осталось. . . – он кивнул на сундук, – перед вами.

– А как же Бессмертные? – почти шёпотом спросила Ленна. – Мастеров среди них – тьма, наверняка кто-то да знаком был с самими Опалёнными.

– В колдуновом железе им нужды нет, и демонов дети Смерти не страшатся.

– Сиенна знала про владыку, – озвучил свои немногочисленные мысли Улулад, – не слушала нас горелая роза.

– Ты слишком болтлив сегодня, братец, – прошипел сквозь стиснутые зубы алый гость. Игна, устав от вопросов сестёр, решила задать свой:
– И когда придёт демонов час?
– Владыка не назвал сей дочерна тёмный день, но это произойдёт скоро даже по вашим меркам.

Последние три Лжи падут возле стен тысячи лиц.
Ради Истины погибнет седой блюститель границ.
Его имя возьмёт законный первенец короля.
Кровью остывшей напьётся земля,
И демоны голодные вернуться к ней...
А после может не стать королей.

– Вот что сказал наш господин, завидев краем глаза дни, ещё не пришедшие. – Дэнда взял долгую паузу, позволив предсказанию осесть в молодых умах. – Мы не можем требовать с вас, мы не станем просить – вы будете нам должны, если мы заключим сделку.

Теперь сёстрам всё было ясно: судьба порог с двумя гостями переступила. Это – испытание, что возложено на род Стук, от их действий будет зависеть жизнь не только какого-то там повелителя, но и всего рода людского. Зань, Ленна и Игна переглянулись: младшая не скрывала ужаса в глазах, средняя хотела спрятать взгляд от любимых лиц, и только старшая, быстро взвесив их таланты и недостатки, улыбнулась сёстрам. «Мы справимся», – сказала она лишь своим видом.

– Дэнда, Улулад, мы возьмём заказ! – произнесла громко Игна. – Но у нас есть два условия.

И вновь Дэнда с трудом проглотил чуть не вырвавшееся недовольство: с каких пор эти обречённые души были так храбры или невежественны, чтобы ставить условия слуге господ всех господ?

– Я весь внимание, – стиснув зубы, кивнул алый гость.

– Первое. То, что не уйдёт из этого сундука в работу, мы оставим себе.

– Какая наглость! – выпалил Дэнда, сделав шаг в сторону сестёр. – Дерзкая девчонка, знай место!

Улулад схватил брата за плечо и замотал головой.

– Имеют право, Дэнда... – голос громилы был спокоен и невозмутим, как льдина. – Не спорь.

– Второе, – продолжила старшая сестра, – что бы ни приключилось с нами, ни ваша милость, ни ваш гнев не должны коснуться рода Стук: ни предков, ни потомков. Они здесь ни при чём.

– Хорошо. – Дэнда лениво отмахнулся. – Это всё?

– Да, – уверенно ответила мастерица.

– Тогда я повторю.

Почти слово в слово алый странник вновь рассказал о непростом деле, о трёх шедеврах и о щедрой награде; снова помянул, сколь точны и совершенны должны быть эти орудия.

– Мы явимся в ночь трёх лун, через девятнадцать солнечных кругов, – объявил алый делец. – Мы щедры наградой, но и не скромны гневом.

– Мы согласны, странник Дэнда.

Тогда гость обнажил кинжал, оставшийся в напомиание о старом безумце, встретил остриё кончиком своего указательного пальца, почти неслышно зашипел от боли. Тёмные капли побежали по фалангам, через ладонь, оставаясь возле запястья.

– Тогда решено! – произнёс он громко. – Зань, Ленна и Игна согласны создать шедевры во славу владыки и передать нам в ночь трёх лун. Боги, души и звёзды – свидетели сего договора.

Он пошёл вокруг сестёр, роняя кровь в их длинные тени до тех пор, пока мрак не побагрел. Ещё каплю он бросил в пламя горна. Сёстры почувствовали, как будто что-то закралось в линии темноты, тянущиеся от их пят.

Огонь покраснел, заливая кузню светом неверным, проклятым. То был не трюк, даже не магия: что-то совершенно иное, в старых книжках предписанное существам, стоящим у самых истоков человеческого знания о колдунстве. Пламя моргнуло – и стихло, как если б не было его. Недолгий ритуал, скрепляющий слова тенью и кровью, окончен.

Заскрипела лестница, ведущая на второй этаж. Босые ноги, спотыкаясь о потревоженный сон, несли своего напуганного владельца к дочерям.

– Что здесь происходит? – влетел в кузню старый мастер. – О Междумирья Жители, кто эти люди?

Отец пригляделся – и замер в ужасе. Алые лица, являвшиеся ему в глубоких кошмарных снах, перешли порог дома кузнеца и смотрели на него из полумрака, сверкая лунами-глазами. Слуги стояли, обвиняя дочерей мастера цепями страшного долга, пальцы алого господина, призванного безумцем в мир людей, ощущал он на шее своей, и дыхание Регола ненадолго прервалось.

Он их узнал.

– Как вы попали внутрь?! Кто дал вам право?! – взревел Регол, подбирая могучей рукой неподъёмный сёстрам молот.

– Ваши скромные дочери сами впустили нас, о великий мастер, – поспешил успокоить кузнеца Дэнда. – Я был уже при смерти, когда свалился внутрь, я не мог ступить и шага без помощи вашей дочери. И братца ввели хоть и по моей просьбе, но по воле собственной. Так мы и оказались внутри.

Отец семейства бросил испуганный взгляд на порог своей кузни, своего дома. Слова, оставленные предками, холодным светом едва мерцали. Каждый слог в них был цел и невредим, а значит, лишь хозяйева могли пустить в свою обитель нечисть.

– Хитёр, хитёр подлец! – признался вслух Регол Стук. – Скажите, дети мои, не заключили же вы с ними сделку? Не взяли ли вы на себя обязанность перед этими тварями?

– Взяли. Взяли. Взяли... – затараторил Улулад, не упрятав пустоты остекленевших глаз.

Охнул отец, осел лицом, поник членами своими. Чума прокралась в кузню мимо знаков человеческих сил. Гадкой хитростью твари обошли ловушки, через которые даже демон не переступит. Слуги алого владыки, лишь двое из девяти детей страшного колдунства, явились в ночь, чтобы не настало утро. Нет от их гнева ни укрытия, ни далёкой дороги: всюду найдут, изрежут, призовут во служение своему людоеду-господину.

– Ты знаешь нас, – заключил тяжело Улулад. – Откуда? Мы ведь тихие.

– Из легенд, оставленных мне праотцами, я ведаю о вас: о девяти нелюдях, что несут чужую волю.

– О нас слагают легенды? – с искренним удивлением спросил Дэнда у брата. – Владыке это не понравится...

– Вы бережёте своего господина, как калека бережёт единственный зрячий глаз, ведь без него вы будете слепы и убоги!

– Советую следить за языком, мастер, – перебил кузнеца Дэнда. – Я наслушался сегодня наглых слов, и терпение моё подходит к концу.

Сёстры, не видя себе места, лишь стояли и смотрели, светлая мысль подло бросила их в этом непростом положении.

– Осядет здесь сундук с мёртвыми клинками до ночи трёх лун, – повторил Дэнда, направляясь с товарищем к выходу, – и явятся из него три орудия-шедевра для трёх сильнейших из

свиты. Ваш род – не помощник в изготовлении, – припомнил Дэнда условие Игны, – полагайтесь только на свои навыки да добрый совет отца. За каждый шедевр уплачено будет золотом. Остатки колдунова железа вам в довесок к щедрой награде.

– А если не справимся?

– А коль неудачна работа будет, – оскалился Дэнда, – то сожжём мы и вас, и весь Киррик, пощадив отца и других родных вам кровью.

– Что?! – уже Игна сжала кулаки.

– Таков договор.

Странники перешли порог, открываясь зимним холодам. Делец негромко взвизгнул, когда защитные чары яростно вцепились тому в ногу. Оправившись от магической ловушки, он лишь ухмыльнулся.

– До встречи, мастерицы.

Улулад закрыл за ними дверь, и две фигуры, вновь укутав лица, растворились в стенах выюги, не оставив даже следа на снегу.

Немота упокоенных осела в застывшей кузне, всё семейство стояло неподвижно, как обращённое в лёд трёх рек. Регол Стук, не выпуская орудия, будто смотрел вслед тварям. Ещё немного – и он ринется в погоню, но страх за дочерей и неуверенность в собственных силах сковали его.

Зань очнулась первой. Она усадила отца на ступени, освободила от молота, принесла ему кружку холодного, что всегда вносило ясность в потемневший разум, коснулась колючей щеки, чтоб поймать одинокую слезу.

– Не горюй, отец, – успокоила она его, – не бойся.

– Да как же не горевать, доча?.. Боязно мне, стужа в душу проникла...

Ленна, повторив за младшей, пришла с сухарями и сметаной. Она смахнула вторую слезу.

– Не вини нас. Знали мы, за что брались, да не углядели всего.

– Себя, дурака, виню, и только себя, – бормотал уже не мужчина, а лишь старик разбитый. – Не уследил, не углядел...

Игна, очнувшись, отогнала прочь мысли грустные и отчаянные вместе с последней отцовской слезой. Она зажгла свечу, что разлегалась воском на шандале. Свет вновь вернулся в дом мастеров.

– Почему ты не говорил о них? – спросила она.

Тише шёпота стал мастер:

– Я говорил... В легендах праотцов наших они зверьми ходили, не людьми... Глаза, полные лунного света, кожа да шерсть алая, кровь проклятая... Теперь я знаю: твердили предки про нутро, а не про поверхность.

В дрожи света отец и дочери вернулись во времена подзабытого в труде детства, когда образы чудные с лёгкой руки в ночи оживали: волк мёртвый, хищная кошка и пронырливый крыс.

– Они будто сошли со страниц старых, как наша наковальня, книг, – продолжил Регол. – Алые слуги являлись людям в холодные ночи, но то было так давно, что кажется лишь выдумкой заскучавших стариков...

– Насколько они честны, отец? – спросила Игна, поглядывая на сундук с Драконьей Гибелью.

– Алая свита держит слово. Всегда. Их создатель – делец жестокий, но не бесчестный. Лгать его тварям не положено, молчание и недомолвки – вот их удел. Даже в речах у них нет свободы, но каждое ваше слово они извратят, если нужно.

– Значит, и про демонов они не солгали?

Удивлённо посмотрел отец на сестёр, и те поведали ему то, что рассказали неохотно гости. Тогда потерял Регол дар речи на добрую минуту, если не на две.

– Вы поступили храбро, дочери мои, – вновь очнулся от дум кузнец. – В страшное дело впутали вас эти существа, но ради цели высокой. Тот опыт, что принесёт сей заказ, пригодится всему роду человеческому. Из остатков Гибели Драконьей скуёте вы ещё дюжину орудий против демонов.

– Но как же нам сотворить шедевры? – поинтересовалась Ленна. – Мы знать не знаем, как из колдунова железа ковать мечи.

Отец не без помощи сестёр поднялся. Проверив дверь, знаки, что тянулись под порогом, он встал к наковальне, как если бы хотел приняться за работу. Поочерёдно, осколок за осколком, он разглядывал содержимое сундука, сближая металл с огнём свечи.

– Заказ чудовищ непрост. Вы не обратили внимания, но среди обломков есть работы не только древние, но гораздо новее. – Один кусок он чуть погнул о наковальню. – Это – следы предшественников ваших, чей малый опыт и неуверенность погубили будущие клинки, а впоследствии – их несостоявшихся авторов.

Сёстры помрачнели: не разглядели они изделий кривых да недавних, что на самом дне сундука были спрятаны. Вновь обожглись они о хитрость алого дельца.

– Но не волнуйтесь, дочери мои, – поспешил мастер успокоить учениц. – Луны встретятся в трёх углах лишь через девятнадцать лет. Этого времени вам будет достаточно, чтобы постигнуть тайны, ушедшие в века.

– Где нам искать мудрости, отец?! – воспряла Игна. – Мы хоть сейчас отправиться за ней готовы!

Регол молча подошёл к горну, что под чарами Дэнды совсем остыл. Взяв кочергу, он принялся вычищать золу да мёртвый уголь. Закончив, отец Стук достал из ящика стола пергамент, поднял один из угольков и, возложив пустой лист на днище горна, второй рукой начал быстро вести по нему полосы. Очень скоро черты угля обрисовывали в себе пропуски, что постепенно собирались в знаки и символы, не ясные никому из сестёр.

– Это – высеченное послание нашего предка, одного из трёх величайших мастеров ремесла кузнечного, – произнёс Регол, показывая дочерям белые буквы среди черноты. – Здесь лежат слова благодарности товарищам, чьи знания и навыки наш род наследует из поколения в поколение. Но множество секретов они оставили при себе, не видя нужды в их распространении.

– Они забрали в могилу техники, что способны помочь в создании оружия, убивающего демонов?! – Игна оскалилась. – Какая глупость!

– Не забрали, а спрятали, и лишь затем, чтобы за ними пришли в час нужды, – пояснил отец. – Такое знание сокровенно, ценно и в умах гневных иль отчаянных мира сего разрушительно в первую очередь роду человеческому. Даже себе я не доверился, но вам...

Он не закончил, лишь вспомнил последний взгляд покойной супруги: одними глазами она прощалась с мужем на смертном одре сквозь рыдания трёх новорождённых. Вновь отбросив скорбь, Регол вчитался в пергамент, припоминая уроки седовласого отца своего. Затем поднялся к себе в комнату, чтоб вернуться с картой бесценной, щедрым купцом в оплату оставленной. Разложил кузнец карту на столе и повёл по ней рукой, будто на ощупь ища места заветные.

Палец его сначала остановился на крохотном Киррике, но сразу дёрнулся к западу. Множество названий диковинных встретилось по пути: пограничный город-крепость Гаард, затем Мердон, Лива, Шер`Дам... Посреди чужой страны, именуемой Регалией, – горный хребет, делящий землю эту пополам и имя на себе несущий: «Цынные горы».

– Одинокый Зук жил на западе, среди вечно белых Цынных гор, в глубинах мёртвого города Сиим: единственного, что не исчез из нашего мира. Искал отшельник равновесия, высокого чувства и свои труды этому посвятил.

Палец кузнеца вернулся в Киррик. Почесав в затылке, пытался Регол что-то важное припомнить, да вот на ум ничего не шло.

– Кирр жил и умер здесь, в крошечной деревне, что лишь годы спустя назовётся Кирриком в честь своего основателя. – Ногтем он постучал по точке на карте. – Но дорога к секретам его непроста.

Вновь повёл пальцем мастер в сторону. Мимо Двухглава, Зимницы, крепости Дол, что в первой битве Ложных Корон руинами легла. Горсть крохотных деревень, меж лесной чащи разбросанных, а посреде них – пустое пятно на карте, туманами чародейскими затянутое, безымянное.

– Оставил наш предок знания свои господину Краплаку, Северного Некрополя обитателю, на сохранение. Овладел Кирр наук целым легионом, хоть учёным и не звался, знал приёмы да обряды, чтоб металл жить дольше мог...

Снова Киррик. Тяжело вздохнул Регол, прежде чем путь показать. Палец пополз вдоль русла реки Брав, затем свернул. Мимо Гиганта-На-Боку, Древа Дев, Железных Ворот, по Пыльному Пути – на юго-восток, всё дальше и дальше от Королевства. Регол снова сверился с записями и сказал:

– Гинн жил за Пыльным Путём, в империи Тайя. Владел он техникой, лишь имперским мастерам доступной, чтоб ковать без молота, раскалять без огня. Только большой силе откроется сей талант...

Регол умолк, нависнув над картой. Не смел он указывать дочерям, куда им следовало пойти, ведь каждый путь был по-своему опасен. Советовались сёстры шёпотом: стоило ли идти вместе или порознь, а если порознь, то кто куда... Первой из круга вышла младшая.

– Я отправлюсь к Сиим! – бросила радостно Зань.

– Скачи на кобылах до границы с Регалией, а затем прямо к Цынным горам, – велел Регол. – Страшись незнакомцев, коих ты встретишь в этой расколотой стране множество. Доверься чутью своему – и окажешься на вершине.

Ленна вернулась к карте. Открыв было рот, она переглянулась с Игной: старшая сестра ей уверенно кивнула.

– Я отправлюсь в Некрополь, – произнесла средняя дочь. – Коль долгом связан Бессмертный, я не побоюсь прийти в его дом.

– Про обиталище Бессмертных мне известно мало, – признался отец. – Лишь знаю, что в деревнях по соседству должны знать про Некрополь. Дети Смерти мудры, но не без норова. Будь вежлива и скромна в вопросах.

– Я поняла.

Все трое взглянули на Игну.

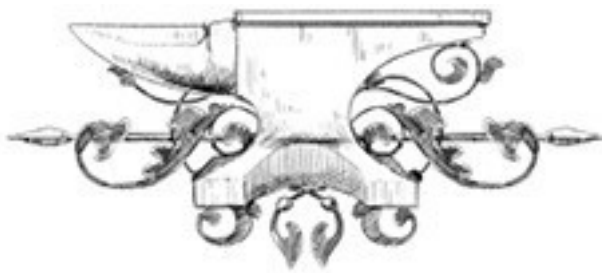
– Тайя, значит... – сказала она гласом холодного железа. – Сёстры мои не совладали бы с такой непростой дорогой, а силы мне не занимать. Как туда добраться?

– С караваном, по почве сухой и ломкой, – мрачно ответил Регол. – На месте остерегайся разбойников да учи язык страны восточной.

Дороги ныне ясны. Война Корон Ложных Стук не пугала. Ещё с детских лет младшая знала, когда нужно спрятаться или затеряться, средняя умом блистала, что народ временами путал с хитростью какой, а старшей несложно было обидчику и по голове стукнуть, и в пузо врезать – дай только кулаком хорошенько замахнуться. Но всяко лучше ходить по дорогам живым, на одном месте подолгу не стоять, ухо держать остро, чтоб никаким армиям на пути не попасться. Страшиться стоило тех мест, что за границей стояли: там-то любая небылица горькая правдой обратиться может, щедр родной континент на разные языки, культуры. Бессмертные – толк отдельный, чего ждать от них – щедрости или беды, – совсем неясно. Всё было обсуждено вслух, и в доме Стуков зависло смятение немое. Поймал его отец семейства и громко озвучил:

– Не бойтесь! Всё вам по плечу. Не кровью вы сильны, а навыками своими. И ещё... – Он устало выдохнул: – Ищите мудрость в себе. Чужое знание уберечь следует и крепко запомнить, но любая работа мастера – это продолжение только его мыслей, новых и смелых. А было бы иначе, жили бы мы в пещерах холодных да палками волков гоняли... – Регол улыбнулся.

Дочери кивнули. Запомнили слова отцовские, чтоб к ним в тяжёлый час в мыслях вернуться. Следующим утром, после беспокойного сна и долгих сборов, сёстры, попрятав от отца слёзы расставания, простились с ним и друг с дружкой. Переступив порог родного дома, три мастерицы отправились в путь. На молодые плечи отныне возложена судьба всего смертного народа, непростые испытания дожидаются их в местах далёких да неизвестных. И лишь только алые тени – знаки договора с нечистыми силами – были в судьбе им попутчиками...

Арислум отстранился от шёпота мира. Его голова дрожала на тощей шее, оттопыренные уши горели чужими словами. Алый слушатель разглядел в себе остатки сил, поднялся и поспешил передать владыке благую весть голосом вечно тревожным и дрожащим.

– Три м-мастерицы пок-к-кинули дом.

Владыка, скорчившийся среди битой темноты, улыбнулся, но не новости, а явлению своего брата в добром здравии.

– Зачем мне это знать, мой милый друг? – владыка взмахнул рукой. – Нас интересует результат их похода. Но я рад сделке: Дэнда не потерпел бы отказа, и горел бы Киррик... Оставь их пока, пусть идут.

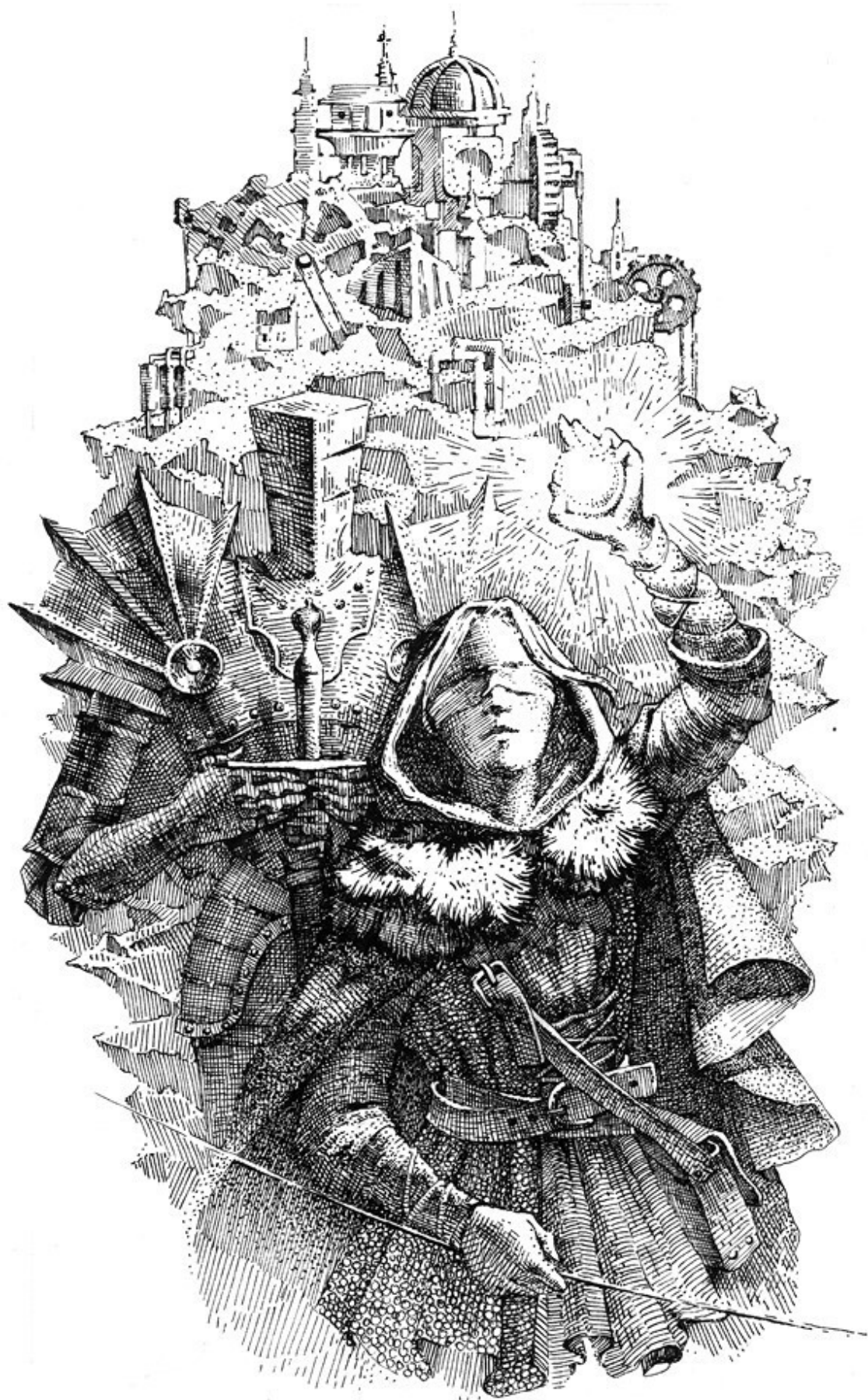
– Велите д-далее слышать струну г-горизонта?

– Да-а-а... – господин задумчиво растянул единственную гласную. – Мне всё боле интересно, что упускаем мы из виду, отсиживаясь в этой дыре. История творится почти без нашего вмешательства. Где воин сейчас и убийца?

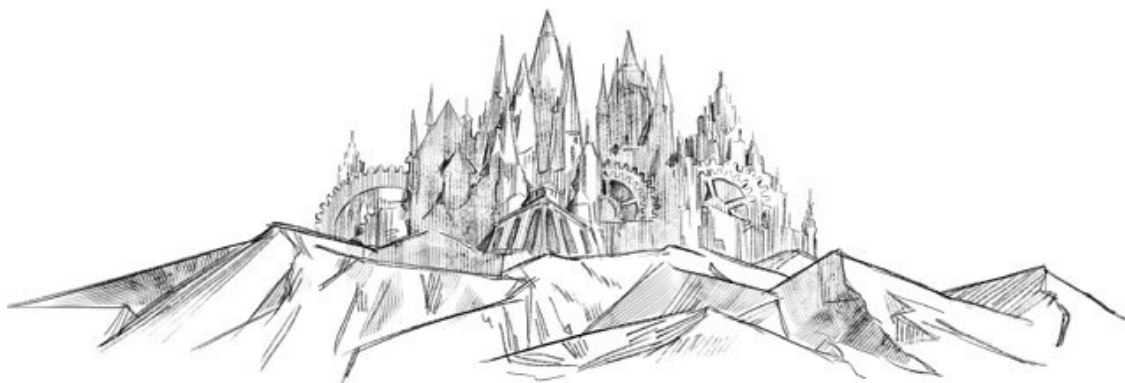
– О-один кровь короля по в-ветру ищет, – Арислум чуть головой повёл, – втор-рой идёт к великим мертвецам. Как вы и приказывали.

– Хорошо. Прекрасно. Держи меня в курсе дел.

До явления трёх из алой свиты оставалось девятнадцать лет.

ЗАНЬ: часть первая

Регалия – лишь малая часть континента, далёкий от войны Ложных Корон клубок малых государств, утопающий в бесконечных интригах; земля тёплой осени и холодных крепостей, толстосумых вельмож и их нищих подданных. Границы здешних царств переписываются год от года, солдаты крепко верят лишь в звон монет, а о былых военных успехах супротив других государств Регалия помнит только обрывками знамён да мертвым королём в придачу. Регалия лежит раздробленной, но в злорадстве над большим соседом местные царьки да графы чувствовали меж собой подобие единства. Любая власть здесь живёт по воле случая, и новоявленные правители гибнут от кинжала товарища чаще, чем от вражьего меча.

Зань скакала от одного угрюмого городка до другого, едва поспевая менять кляч. Множество зыбких границ пересекла она под покровом ночи, днём смешиваясь с толпой да набирая провизию в дорогу. Пару раз мастерица якобы попадалась за соглядатайством. Гостям из Королевства в Регалии не доверяли и до падения собственного короля, чего уж говорить о теперешних временах. Сбегала Зань из-под стражи ловко и незаметно, случайно обронив золотой-другой перед своим исчезновением... Так, по крайней мере, описывали внезапную пропажу бесхитростные, но корыстные стражники.

Взятками да откупам карманы мастерицы пустели, люди всё чаще узнавали одинокую путешественницу, и всё реже дороги были пусты от личностей тёмных да коварных. Но везение соблаговолило младшей дочери Регола: добротная кобылка доставила Зань в шахтёрский посёлок близ Цынных гор, где и устроилась девушка подмастерьем старого кузнеца, что кирками приторговывал да колёса подбивал.

За наковальней была Зань не крепче, не умнее сестёр, но работала честно, дабы не опорочить род и не подвести владельца кузни. Собственное чутьё отводило мастерицу от плохих заказов, неважных разговоров и мутных затей, коих среди простого народа Регалии было полным-полно, и лишь честным трудом заработала кузнец на последний ход в своём непростом путешествии. Стоя однажды на рыночной площади, она подняла взгляд к вершинам – и содрогнулась, будто спустился к ней мороз с белых скал.

Меж заказами Зань изучала, чем и как шахтёры работают, чтоб твердь земную дробить. Донимала тех, кто ходил в горы, и среди покорителей вершин сыскала компанию: сплошь знатоки и советчики! И правильному дыханию в высоте обучили, и владение инструментом горным передали, чтоб этой самой высоты достичь. Но никто не рискнул пойти с девушкой на город Сиим, что чёрной тенью стоял у самого снежного обрыва.

– Зареклись мы, Заня, к сиимцам мёртвым лезть, – говорил самый бывалый из скалолазов тихо, чтоб чужие уши не греть. – Одним путём туда добраться можно, да боязно: земля там сильнее к себе тянет, ветер рубаху рвёт да горло сводит. Сначала по тропе пойдёшь – смотри с пути не сбейся! К обрыву выйдешь – только вверх ползи, как учили. Иной дороги нет туда!

Немало людей погубил город мёртвый: от храбрых духом воинов до простых крестьян тянулся список погибших или пропавших без вести. Вновь почувала Зань холод, но иного толка. Могильным ветром понесло от Цынных гор.

– Коль собралась ты в Сиим, милая моя, – как к дочери родной обращался старый кузнец, – помни: страшнее он всякой высоты. Говорят, там жуть сидит какая, человеку опасная. Берегись и стен его, и потолков и каждый шаг свой разглядывай.

– Спасибо, мастер, – поклонилась Зань, в памяти высекши предупреждения.

Обняв старика, Регола дочь покинула временную обитель, напоследок оставив украдкой добрую часть нажитых денег: то была немая благодарность за место рабочее и тёплый кров. Единственным путём, указанным горняками, направилась младшая сестра в глубь и вверх холодных Цынных гор. Где-то здесь, меж шапок снега и ледяных клыков, стоял недвижимо безлюдный осколок ныне мёртвой империи. Стены его возведены единой линией с обрывом. Башнями пустыми смотрел гранитный город на Регалию, лишённый чувств.

Тропа петляла, шла вверх и вниз, терялась под ногами и чудом находилась вновь. Указательные знаки, измотанные морозами, немymi стрелами вывели мастерицу к подножию высокого обрыва. Железными калёными кирками, что сама она воспитала в кузне, впивалась Зань в скальную твердь, забывая за собою крючья с протянутым меж ними тросом. Всё делалось по заветам горняков, как по учёной строчке.

Она взглянула вниз лишь единожды: тропа пешая завиднелась тонкой белой нитью, протянутой меж россыпи камней. Цынные горы будто момента страха ждали – тотчас попытались сбросить с себя мастерицу! Чуть не сорвалась она, когда ветер схватил её за шкуру и потащил вбок и вниз. Инструмент железный выскочил из плоти гор, Зань до полусмерти испугалась – так и повисла над пропастью, кивая ей всем телом.

– Нет! Нет! – мотала Зань головой. – Не могу погибнуть я здесь и сейчас!

Направила она ладонь свою, вцепилась в скалы пальцами и потянула гору к себе. Так ей, по крайней мере, показалось. Продолжила мастерица своё восхождение, киркой да собственной рукой прокладывая путь. Под ногти лезла стужа с землёй, по всему телу дрожь бежала... Палец немой коснулся глади чёрного гранита, туда же впился железный клюв кирки, ещё немного...

Зань стиснутыми зубами да волей кованой достигла Сиим! Забралась наверх, вбила последний крюк, сбросила с себя мешок заплечный и чуть не рухнула в сон: настолько тяжела была дорога. Члены её дрожали усталостью, тёплые одежды медленно черствели от мороза, а дышать становилось всё сложнее. Цынные горы почти извели девушку, но Зань, презрев собственную слабость, поднялась на ноги.

Встречал каменный мертвец свою измученную гостью распахнутыми воротами, что едва слышно скрипели по воле ветра. Зань подняла взгляд: ещё выше, почти у небосвода, среди белых скал сияли гранитные диски. То были гигантские шестерни неведомого предназначения, уходящие глубоко в горные породы и движения всякого лишённые. Зань с неясным себе чувством обратилась к сиимцам:

– Даже скалы вам подвластны, а вы оставили и их. Где вы, о гранитные мастера? Ушли в глубины земные или взлетели выше собственных гор?

Ответила лишь выюга, чуть толкнувшая в спину. «Проходи», – велела она.

Возле порога не страшило девушку брошенное обиталище Сиим. Глубокую тоску нагоняли пустые дома с просевшими от снега крышами, разграбленные стихией улицы, бесхозные вещи в ледяных рельефах. Механизмы могучие, подавившись наледью на зубьях, стояли смиренно, более не пытаясь вершить волю своих создателей. Шла Зань меж этих гранитных гробов как во сне. Слышала она во выюге детский смех, говор деловой, рыдания разбитых сердец и простую ругань. Побоялась мастерица встретить среди построек призрака, затрясла головой, отгоняя древнее эхо.

– Какое страшное горе, – сказала она сама себе.

Вышла к главной площади: большой, широкой, подобной сердцу паутины из десятков улиц и переулков. Статуя немая, покинув постамент свой, ныне лежала возле него неясной грудой, лишённой даже лика. Рука ещё сжимала кубок, а меж искусных складок мантии поблёскивали золотые нити. Фонтаны вокруг более не вздымали воду, только ледяная корка осталась от их работы, скрывая под собой гранёные монеты да мелкие камушки. В ряде единых видом зданий гостья разглядела высокий храм неизвестного жителя Междумирья. По окаймлённой золотом дороге, по пути громких молитв и босых стоп, направилась девушка к сооружению в надежде найти хотя бы пожитки Зука.

Собственную красоту святое место потеряло. Наружные барельефы храма затёрло ветрами и после забило снегом. Колокольня осколками впиалась в гранитную крышу, пустив света в некогда полный трепета сумрак. За прикрытой дверью тянулся длинный зал, уходящий будто в глубь гор. Каменные скамьи, расставленные строгим рядом по левую и правую стороны от металлической дорожки, на ощупь были холоднее льда. Высокие стены гудели эхом при каждом шаге гостьи, колонны недвижимо держали купол небосвода из золотых линий и точек, разбавленных пятнами звёзд. В конце длинного зала стояли громоздкие весы, в пустоте чаш своих нашедшие баланс.

Зань сделала ещё шаг – и что-то зашевелилось в самом тёмном углу с коротким металлическим скрежетом. Девушка обернулась, но не раскрыла личины обитателя храма, а только смутно дорисовала из грубых черт воина в тяжёлых латах. Мастерница нащупала за поясом кирку.

– Кто здесь? – обратилась она громко к неизвестному. Храм дюжину раз повторил за гостьей.

Зажгла Зань лампу и светом нашла источник звука. Некто, широкий в плечах и малый головой, сидел возле сложенных шалашом брёвнышек, держа над ними руки. Искусной работы доспехи скрывали тело целиком, не обнажая в сочленениях даже кольчуги. На вид – медные или в хитром сплаве, угловатые и громоздкие, будто не под человека ковались. Особенно Зань впечатлил шлем: купол его был плоский, формы ромба, спускающийся вниз единой частью, с двумя ломаными прорезями, без отдельного забрала.

– Добро пожаловать. – Обладатель доспехов приподнял голову, глас его не оставлял за собою эха. – Присядьте, отдохните, согрейтесь.

Брёвна давно промёрзли, и даже хороший трут да искра не пробудили бы в них жара.

– Но здесь нет огня, – осторожно заметила Зань.

– Огонь – это к пожару. Костра должно быть достаточно.

Побоялась спорить Зань с неизвестным и присела напротив. Держа наготове кирку, мастерница взгляделась в черты обитателя города. Изморозь мхом росла на угловатом шлеме, сквозь щели которого не выходило ни дыхания, ни взгляда – одна темнота.

– Кто вы? – спросила Зань.

– Солдат, оставшийся без войны. – Он стряхнул с грудной пластины снежную пыль. – Но ныне – только страж. Говоря со мной, вы говорите с нашим славным городом. Вы что-то хотите узнать?

«Рассудок стражника лежит в руинах, – подумала гостья. – Со стороны иной, ведь может он знать, где мастер или его работы. Надо спросить! Но аккуратно!» – она решительно себе кивнула.

– Да. Знаете ли вы... – начала Зань, но почувствовала, что лучше не спешить, – зачем вам тогда доспехи, коль войн нет? В них сейчас, наверное, очень холодно.

– Чтобы быть. Без них я – никто, как вы без мышц и костей. А холода я не боюсь...

– ...Потому что костёр рядом... – закончила мастерница и тяжело вздохнула.

– Верно! Моя очередь, – сказал стражник. – Вы кто? На шпиона, вора, убийцу не похожи... Даже подозрительно.

Опыт общения с блюстителями порядка вынудил мастерицу последовать чудным правилам.

– Зань Стук, дочь Регола Стука, кузнец из города Киррик, – представилась она со всей возможной точностью.

Оба замолчали. Зань достала хворосту, трут да огниво, чтоб развести костёр и наконец-то согреть руки.

– Киррик, значит... – страж попытался прощупать на шлеме подбородок, – таких мест я не знаю.

– Это за границей Регалии, в глубине большой части континента, в Единственном Королевстве, – быстро объяснила девушка.

– Какое-то безумное нагромождение неизвестных мне названий! – признался страж, раздосадованно замотав головой.

– Вы очень давно обитаете в Цынных горах. Мой черёд, – мастерица улыбнулась.

– Виноват! – Он наклонился, затем медленно выгнул спину обратно. – Слушаю вас.

Навершие клинка, что ютился в ножнах, тихо коснулось полых доспехов. Зань не могла более отвести от орудия взгляда. По очертаниям ножен, длине рукояти – полуторник, с крепкой угловатой гардой.

– Вы не собираетесь нападать на меня?

– Нет. Меч покинет ножны лишь затем, чтобы сразить врага. За вами не числится ни единого преступления, следовательно, и нападать на вас не стоит. И, пожалуйста, – рукой он махнул на кирку, – с такими инструментами лучше по улицам не ходить. Иначе изыдем.

«Он может быть здесь не один», – подумала Зань, просовывая кирку за пояс.

– Моя очередь, – сказал стражник.

– Хотите спросить про костёр? – Глаза Зани блеснули в свете молодого огня.

– Моя очередь, – терпеливо повторил солдат. – Зачем вы прибыли в город?

– Я ищу кое-кого. Одного мастера.

– Здесь давно не было никаких мастеров. – Страж помолчал немного. – Только бездарность.

– «Бездарность»? – переспросила девушка.

– Да. Моя очередь.

– Пойдите, я не...

– Те, кто ниже, – продолжил страж против невнятных возражений, – у подножия наших гор... Кто эти люди? Враги?!

Солдат латунный потянулся к рукояти меча. Движение быстрое, но плавное, без единой посторонней линии, отточенное в сотнях и сотнях баталлий, потому почти незаметное. Вспыхнуло в щели устьем и гардой раскалённое добела лезвие. От стража понесло жаром, как из кузни.

– Нет, ни в коем случае! – Зань выставила вперёд руки, пытаясь успокоить древнего обитателя. – Они боятся... Вас. И вряд ли рискнут соваться.

Страж не спешил обнажить клинок. Продержав меч ещё мгновение, он лишь щёлкнул им – и оставил плотно закрытым, как сотнями лет до этого.

– Врагам и стоит нас бояться! – холодно и громко рассмеялся страж. – Тогда зачем они лезли?

– Моя очередь! – нетерпеливо вскрикнула Зань. – Был ли среди гостей ваших кузнец?

Солдат поднялся. Был он на четыре головы выше мастерицы, совсем не человек – гигант, каких только по книжкам знавали. Походкой резкой, угловатой он от костра ушёл в сумрак.

– Прошу за мной, – велела темнота.

Во глубине храма Биланх¹, бога порядка и равновесия, под тонким одеялом лежало скрюченное, промёрзлое тело, сжимающее в руках потёртую клюку. Покойник был не толще ветви, кожей огрубевший и почерневший от смерти. В прищуренных очах – пустота, тронутая голодными птицами целые столетия назад. Зань с трудом сдержала рвоту. Великий мастер Зук, один из трёх отцов знаний кузнечных, в последние свои дни прятался за стенами полуразрушенного храма в городе призраков. Он и его секреты – тишина за гнилыми зубами. «Кого же я ожидала встретить?» – подумала Зань, протирая глаза.

– Он ушёл во сне, как подобает старику, – чуть склонился к прошлому гостю солдат. – Спокойная, тихая смерть.

– Нужно... Нужно... – мастерица будто забыла речь родную, – похоронить его!..

– Он – не гражданин, – неодобрительно произнёс стражник. – Путь на кладбище для него закрыт.

– Тогда... Тогда я спущу тело и похороню внизу, у подножия! – наскоро придумала Зань.

– Ваш план невыполним: ходы меж гор завалены, подъёмник уничтожен. – Тут страж затих, вспоминая. – Как вы вообще здесь оказались?

– По утёсу забралась... – едва хватило сил ей признаться.

Что-то внутри Зани треснуло. Цынные горы ослепительными вершинами своими злобно улыбнулись глупой девушке. Запертая среди холода, смерти и разрухи на пару с металлическим безумцем, склонившаяся над покойным мастером – одним из трёх, кто повёл бы её навстречу истинам, – Зань не могла найти внутри себя и искорки надежды.

– Ого! – впервые удивился солдат. – Полагаю, тяжёлая была дорога?

– Не твоя очередь задавать вопросы! – вспыхнула мастерица. – Не твоя, проклятый сумасшедший! В этом ведре есть хоть что-то, окромя полной глупости?! – пальцем дрожащим показала она на угловатый шлем.

Страж снял его – видимо, прямо с головой. Наклонился чуть вперёд, выставляя напоказ содержание лат, а если вернее – полное того отсутствие. То оказалась пустая оболочка, коей для движения иль стойкости в ногах нужно было содержимое. Но ни тела, ни духа Зань внутри не видела: лишь скрежет механический стоял в металлической груди вместо шагов сердца.

– Во мне – воля Сиим, Зань Стук, дочь Регола Стука, кузнец из города Киррик, и более ничего. И я с трудом могу понять ваше положение, – признался страж и шлем на место поставил. – Разрешите уточнить: вы хотели встретиться с покойным?

Стыдно стало Зани за секунду бессмысленного гнева. Не в её природе распускать злобу.

– Простите за крики... – она низко поклонилась. – Да... Да, очень хотела... Я поднялась сюда, чтобы найти мертвеца и, видимо, поговорить с ним?... – сама себя спросила девушка. – Я уже сама не знаю...

– Как же он вам ответит? – Что-то щёлкнуло внутри пустого доспеха. – Простите, ваша очередь.

– Неважно, чья очередь... Он должен был указать мне путь. Поделиться мудростью своей. Не оставил ли он что-то после себя? Может, дневник?

– Старик не умел писать.

– Как же так? – Тут опять вспомнила Зань правила игры дурацкой. – Ладно, задавайте свой вопрос.

– Знали ли вы, что он был слеп? – Ладонью огромной солдат повёл перед литым забралом.

– Нет, не знала. – Мгновение ушло на осознание. – Пойдите, слепой кузнец?... – Зань бровь приподняла. – Прошу, не издевайтесь надо мной.

– Я отвечаю на ваши вопросы, как вы – на мои. Издеваться нам не к лицу. Ваша очередь.

¹ Биланх, как продолжение хаоса великой пустоты, не имеет ни пола, ни числа. Обращаться велено к Биланх так, как требует в моменте внутренняя пустота человека.

– Простите, я... Просто расстроена. Как же мне тогда спуститься? Как сёстрам в глаза посмотрю?..

– Ответ на первый вопрос. Старик пытался изготовить новое снаряжение для спуска в мастерской – без результатов. При всём желании, я на второй вопрос не отвечаю...

Зань засияла: вот он, следующий шаг. Коль оставлена была кузня, то и наработки незрячего Зука там должны найтись.

– Пожалуйста, отведите меня туда, в его мастерскую.

Страж расправил плечи, выкатил грудь и двинул маршем в сторону выхода.

– Прошу за мной.

Вечерело: солнца почти скрылись за Цынными горами, длинные тени заплыли меж улиц. «Отсюда даже не видать заката», – подумала Зань, разглядывая след уходящих звёзд. Её спутник, меривший дорогу широкими шагами, шёл наперекор порывам ветра, лишь время от времени оборачиваясь – как если бы были у сей машины глаза или иной предмет восприятия.

Слепой мастер вёл свои работы в огромном здании цеха, уходящего в скальные стены. Длинное помещение, сокрытое за массивными дверьми, каждым углом повторяло Биланхово жилище: как труд в сознании Сиим был отражением веры, так и их великая мастерская – копия дома божества. Около сотни рабочих могло обитать: у каждого было бы и по верстаку, и по набору инструментов, даже наковальня своя. А над наковальнями висели механизмы, приводимые в движение лесом рычагов.

Горн здесь стоял вместо алтаря и внушал трепет одним лишь своим видом. Из чёрного гранита выбито было вместилище теплот высоких и всех восьми ветров, напоминая складом и трубами торчащими вырванное из груди сердце.

– Здесь я родился. – Страж коснулся шлема неведомым жестом. – И сотни таких, как я. Впечатлены?

– О да... Ещё бы не впечатлиться...

Зань быстро нашла обжитое место своего предшественника: было оно центром хитрой паутины лесок и веревок. К наковальне тянулась та, что потолще да поглубже, к молоточкам – тоненькая, на ощупь шёлковая. И третья – цепочка, ещё тёплая, как от прикосновения рук, – от наковальни к горну чрез весь зал.

– Так вот он как ориентировался... – мастерица рассуждала вслух, не стесняясь стража. – Как он ходил, я поняла, но как же он так работал?..

– Бездарность жил здесь по моей воле. Он просил меня дать место для работы – я дал. Владельцы цеха не сказали ни слова против.

«Ведь их здесь больше нет», – поняла Зань.

– Действительно... – она кивнула. – Задавайте свой вопрос.

И вновь солдат в своём же правиле хитро подыграл:

– А вы вопрос задать хотите?

– Да, хочу! – Она смекнула. – Вы видели его за работой?

– Да. Интересное зрелище.

– Не сомневаюсь, – буркнула она. – Небось, пальцы себе все отбил, пока тут возился...

– Нет, всё не так. Толковый мастер был.

День в горах Цынных – день потрясений.

– Но вы назвали его бездарностью, разве нет?

– Так он себя называл. Разве вы не ищете Зука Бездарность?

Мастерица засомневалась в здравии своего рассудка. Казалось, ум её рухнул с самой вершины и разбился, да так, что частей уже не сыщешь.

– Да, но...

– Предвещаю ваш вопрос. Зук Бездарность назвался сам, как вы, Зань Стук, дочь Регола Стука, кузнец из города Кирик.

– Но...

– Предвещаю ваш вопрос. Снова. Его успехи в деле особом сомнительны.

– А...

– Предвещаю ваш вопрос. Очень несложно, кстати, – мимолётом похвастался страж. – Бездарность не смог изготовить вот это.

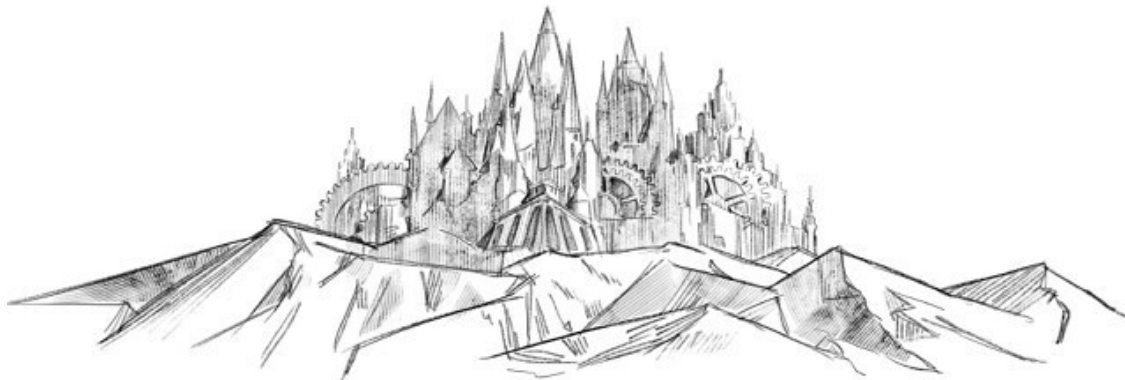
В ящике, обмотанном плотной тканью, лежали изделия неясного назначения. Нечто столь тонкой работы, что металл можно было спутать со стеклом, льдом или застывшей искрой. Шарики не больше Заниного кулака, все схожие очень хитроумным содержанием. Зань взяла один из них – тот быстро согрел ладони мастерицы – и внимательно вгляделась внутрь конструкции. Золото, серебро, медные нити, опоясывающие сердцевину из колдунова железа... Всё вроде по уму, но какому – совсем не ясно. Затем достала ещё сферу и сравнила два устройства меж собой. Тут иной угол, здесь форма толще, но нашлось немало общих черт.

– Его изделия – что бы это ни было – не завершены, – заключила она тоном не своим, а Ленны. – Мотивы конструкций повторяются, чуть меняясь и чередуясь. Как песня с подзабытыми нотами. Что это?

– Я должен был предвидеть... – разочарованно прошептал страж. – В видении простого люда и высоких умов сей продукт человеческих и нечеловеческих усилий можно обозначить словом «душа».

ЗАНЬ: часть вторая

Зань Стук, дочь Регола Стука, кузнец из города Киррик, разрушила вековой сон Цынных гор. Грохот её молота тянулся от самых вершин и сходил до подножия, пугая жителей шахтёрского городка среди бела дня и ночи гулким, зловещим эхом. В мастерской Зука, вновь обжитой и всячески улучшенной, трудилась пленница горная, не считая дней и не жалея сил. Безымянный страж охранял её покой, всякую тяжёлую работу на себя брал и лишь иногда спрашивал:

– Должно быть, вы устали?..

– Ни в коей мере! – Зань смахнула пот со лба. – Мы почти у цели! Вопрос свой приберегу!

Но ни одна попытка не увенчалась успехом. Среди причудливых форм из стали и золота, складывающихся вокруг Драконьей Гибели, не угадывалось черт той самой души. Мастерница с трудом себе представляла, каким образом вообще можно подчинить колдуново железо: калила она его, била, пыталась обыграть уже готовые фрагменты внутри своих механизмов. Часто бродила мастерница по гранитным тропам, к массивным шестерням среди породы, чтобы взглянуть в наследии Сиим совет какой, что смог бы приблизить её к решению загадки слепого кузнеца. В Зани кололась злоба: на себя, на мир за пределами чёрного города, на судьбу, что поперёк горла встала и истину от мастерницы скрывает. Она слышала насмешки среди ветра, снег морозил её уставшие пальцы, а безвкусная еда, нашедшаяся в складах подземных, лишь неприятно скрипела на зубах.

– Довольно. – Страж поймал руку в замахе и молот отнял. – Вам следует остановиться.

Хватка его была мягка, иначе машинные пальцы сломали бы мастернице запястье. Зань смотрела будто сквозь стража: не чувствовала она ни единой капли смысла в своих деяниях, но не могла покинуть мастерскую.

– Предлагаешь сдаться, железка? – В глазах сверкала ярость.

– Не предлагаю. Но много ль толку повторять десятки раз то, что обречено на провал? Вы пытаетесь не понять – лишь повторить чужую ошибку.

– Не знаю! Я не могу знать, почему не выходит! Что у слепого не вышло, у меня получиться должно! Я, по крайней мере, вижу, что делаю!

Но этого оказалось недостаточно. Не видно было конца её испытанию, и всё чаще стояла Зань на обрыве и смотрела на Регалию с презрением, что разделила с Цынными горами. «Там, внизу, люди не ведают истинных бед, – думала мастерница, скаля зубы. – Взять лишь одну их душу и в металл поместить... Получилось бы?» Она испугалась собственной идеи и отогнала от себя, как прокажённую, но мысли эти всё чаще возвращались и оседали в её голове. Рассудок девушки вот-вот рухнет: дай ему лишь больше бессмысленных попыток обуздать искусство Сиим.

В ночь не спалось. Сомкнув глаза, мастерница видела в черноте подбирающихся к ней призраков. Мёртвый народ толпился возле неё, махал руками, взывал хорами погребённых.

«Спустишь и отбери», – говорили, шептали, кричали они. Зань лишь зажмурилась ещё сильнее, пока во мраке не пропали даже духи, но продолжила их слышать. Она сжала голову свою, ладонями прикрыв уши, – и в звонкой тишине уснула, дошёптывая проклятия.

Страж явился с первыми лучами солнц. В руках он держал те самые банки с пустой едой, что томила в подземных складах.

– Был ли Зук ближе к сотворению души, чем я? – спросила Зань латунные доспехи.

Страж вскрыл банку пальцем и протянул мастерице. Та неохотно принялась трапезничать.

– Быть может. По крайней мере, он овладел вилууну, – так в Сиим звалось колдуново железо. – Вы же используете Зук заготовки: лишь обковываете и подгоняете. – Он опустил взгляд на банку. – Может, стоит подогреть?

– Нет, спасибо. Есть вопрос?

«Чего же не хватило мастеру?» – спросила Зань у пустоты внутри себя. Вопрос беззвучно сгинул.

– Да. Скажите мне, Зань Стук, дочь Регола Стука, кузнец из города Киррик, – страж заговорил громче обычного, – что в вашем понимании есть душа?

Мастерица поначалу не поняла солдата.

– Я... – протянула мастерица и задумалась. – Наверное, сестрица моя, Ленна, дала бы точный ответ. Она любит умные слова и... И...

Зани едва хватило сил, чтобы не разреветься. Вовсе позабыла она о своей кровинушке, о сёстрах и старике отце. «Сколько лет прожито в заточении – и ради чего? Сколько съедено этой мерзкой пищи, чтобы прожить ещё один бессмысленный день? Как давно я не видела людей – лишь призраков...»

– Вы не ответили на мой вопрос. – Латунная машина поражала своим терпением.

– Душа – это... – Зань искала в памяти слова отца или сестёр, – что-то, лежащее глубоко в нас. Вещь настолько тонкая, неосязаемая, что глазами не увидишь, ушами не услышишь – только говорить с ней можно, как я с вами. Правда, мы-то говорим по очереди, а душа свое-нравна, может и не ответить... Вот вы, о великий страж одинокого города, можете назвать имя того, что охраняете?

– Города Сиим не носили имён. Лишь порядковый номер. Каков ваш вопрос?

– И какой же это был город по счёту?

– Шестьсот пятый. Каков ваш вопрос?

– А сколько было?

– Более тысячи. Каков ваш вопрос?

– Тысяча городов – это очень много! Всего континента не хватит, чтобы в себе уместить ваше государство!

– Мы покорили океаны задолго до того, как ваши народы впервые коснулись солёной воды. И были мы везде и всюду. Каков ваш вопрос?

– А откуда вы явились, где родина народа Сиим?

– Отовсюду, везде. Великий Биланх, Единый На Двух Чашах, ответил на мольбы не одного племени, а множества. Народы всех частей света пошли по следу, оставленному через пустоту, пока не воссоединились в Сиим. Каков ваш вопрос?

– Мы собрали часть истории Сиим по осколкам и до сих пор не ведаем вашей полной мощи... – разочарованно пробормотала Зань. – Лишь этот город меж скал до сей поры стоит. А вдруг он тоже исчезнет вместе с вами?

Зань пыталась представить, какая сила могла бы забрать целые города. Та самая пустота, что разрасталась с каждой неудачей, в мгновение скручивает в себе башни и стены, тысячи людей тонут в бесцветной пучине ничего, становясь с ним единым. Страшное чудовище, прошедшее по миру пожрать Сиим, оставило последнюю трапезу свою средь скал. Рассказы о мире

вне гранита солдат поначалу слушал холодно, подозревая гостью то во лжи, то в откровенной ереси. Но всё точнее складывалась общая картина мира в пустом доспехе: Сиим пал тысячи лет назад, и защищать предстоит это место до тех пор, пока не настанет и черёд стража.

– Я не боюсь исчезнуть, – признание далось ему легко. – Если я – последний из своего народа, то разделю его судьбу. Каков ваш вопрос?

– Разве не стоит дать бой?

Не брал солдат на размышления и мгновения, а лишь на вопрос вопросом молвил:

– Кому же? Переменам, что кипят у подножия? Молодым умам, что точно шагнут в пустоту? Не отвечайте на эти вопросы. Наши враги мертвы: имён не вспомнят даже их дети. Если не ввали вы о мире внешнем, то мне не на кого боле поднять меча. Каков ваш вопрос?

– В вас сейчас говорят и честь, и смирение. Нечастое сочетание, не думаете?

– Мои слова могут мне не принадлежать. Меня создали как часть войны против всякой мерзкой силы, что надвигалась на Сиим. Мы гибли в огне и ветре, в когтях и под клыками. Тело моё пусто, разум – слепок чужого, а душа... – он помолчал немного, – секрет для нас обоих.

– Это точно. – Мастернице оставалось лишь кивнуть. – Сколько всего знал Сиим!

– ...Но, – продолжил страж, всё глубже уходя в пыль воспоминаний, – как говорится в одной сиимской пословице: «Как всякую тяжёлую ношу следует облегчить, так и в пустые сумы дать весу». Мы не можем поднять клинка на невинного. Есть ли это честь наша или задумка создателей? Прихоть моя или чужой закон? Ответа нет. Каков ваш вопрос? – он заговорил живо, но устало.

– И вас это вполне устраивает, – заметила мастерница. – И всё-таки я думаю, что это честь. – Она улыбнулась. – Каков ваш вопрос?

– С чего бы вам так думать?

– Вы помогаете тем, кто нуждается. Вы не убили ни меня, ни Зука, хоть мы и не сиимцы. Мы, говоря грубым языком, «захватчики» вашего города. Устроились тут, мастерскую разворошили, разнохиваем, что да как... И за всё это время меч вы лишь приоткрыли, не спеша его обнажать целиком. Каков ваш вопрос?

– Вы даёте моим действиям чересчур много веса. И дополнительную пищу для размышлений, – добавил он многозначно.

– Зря про захватчиков сказала... – Зань вновь улыбнулась: хоть в кои-то веки жив был её собеседник.

Она протянула стражу пустую банку, содержимое которой неприятно поскрипывало на зубах, напоследок посмотрев на металлическое доньшко. Прессованные круги, меж коих ещё оставались остатки неясной розовато-зелёной смеси, что не имела ни вкуса, ни запаха. Сколько её ни грей, ни перемешивай, ни вари – даже солью это пищей не сделаешь.

– Мой вопрос.

– Спрашивайте, страж.

– Душу не увидеть, не услышать, наверное, даже не учуять – это я понял, – солдат латунный пальцы могучие всё загибал, – и взвесить её, значит, тоже нельзя?

– Нет, конечно же. Нет ничего, равного одной душе. Это как пытаться взвесить любовь или ненависть. Каков ваш вопрос?

– То есть душа неосязаема?

– Получается, что так, – мастерница пожала плечами.

– Неосязаема, невидима, не слышна уху, не имеет веса или запаха... – подумал вслух доспех. – Кажется, её действительно нельзя создать!

Что-то в голове Зани резко зашевелилось. Священное озарение вот-вот коснётся её – надо лишь не упустить момент, велевший разговор продолжать.

– Можно! – Мастерница вскочила с места. – Её можно создать! Вы что-то сказать хотите?

– Вы перепробовали столько всего, но даже не знаете, что должно получиться... Быть может, Зук Бездарность – лишь сумасшедший?

– Нет! Он ведь приблизился... – Уже всё искрилось, ответ был на расстоянии протянутой руки! – Он подчинил себе Драконью Гибель, но ему чего-то не хватило... Или...

Вот оно. Озарение, сияющее ярче трёх солнц и легиона звёзд. Момент великий и самую малость жуткий. Очи огня полны, а рот кричит:

– Наоборот!

– Наоборот?

– Не ваша очередь, моя! О страж, можете пройти со мной до мастерской?

– Конечно. Прошу за мной.

Сердце Зани заколотилось, будто отогревалось после вечной холодной ночи. Зачем нужны глаза, чтобы создать невидимое? А уши, коль изделие звука не подаст? Зук был слеп – и оказался к завершению ближе, чем зрячая...

И снова цех Сиим. С лица мастерицы не сходила безумная улыбка. Она шла, тихо смеясь собственной удаче. Если окажется неправа – так пусть сгинет в этих проклятых горах! Тёплым воском свечи забила девушка себе уши и ноздри, на глазах завязала плотной ткани кусок в три слоя, чтоб даже яркого света не видать было сквозь сплетения нитей. Голова её ныне – вместилище лишь пустоте. По памяти решила она взяться за инструмент, но тут же убрала руку и сказала, себя не слыша:

– Страж, выведи меня прочь от города и покрути три раза. – Её слова, не к месту громкие, тонули в восковых печатях. – Я вернусь обратно, не помогай мне!

– Прошу за мной.

Он схватил мастерицу за плечо и поволок. В сугробы, вьюгу – стихию, лишённую звука, но не силы. Шли долго: Зань спотыкалась, падала, шипя и проклиная то ли себя, то ли всё вокруг. Сквозь ледяную черноту добрались обитатели города Сиим до обрыва. Сделала Зань три круга – и оттолкнулась от стража.

«Не смей упасть, дура!» – подумала она – и тотчас провалилась в пустоту.

Зань Стук пошла сквозь ничто, ведомая ветрами, как струнами в дрожащих пальцах. Путь её – натянутый трос над бездной и среди бездны, и только чувством и волей способна была мастерица пройти. Тонкая линия шла через чёрные руины, и в пути не осталось ей помощника. Выставив руки в стороны, пропуская вьюгу сквозь себя, она пошла вперёд.

С первым шагом совсем пропали всякие мысли. Разум её оказался чист, как во смерти. Нет боле сомнений или тревог – только путь, по которому следует идти.

Шаг второй – пропали пальцы. Там, дальше запястий, – ничто, часть бездны. На третьем шагу, впрочем, исчез и ветер. Его холодные касания не могли потревожить кожи.

Четвёртым шагом рухнуло время. Нет ни мгновения, ни вечности – как в разбитых часах, на дне которых лежат бессмысленные стрелки. Застыло течение реки, что тянется меж прошлым и будущим. Зань шла дальше, сквозь стоячую воду.

Пятый шаг – и бытия не стало. Ни гор, ни их подножия, кишашего лживыми интригами и лишней болтовнёй. Горизонт разошёлся, как шов, впустив в мир великолепное, ослепительное ничто. Всё сущее, замершее без времени, растворилось, не оставив от себя и тени, небо рухнуло и разбилось в пыль. Зань – оглушённая, ослеплённая, обезличенная – стала Мировой Каверне воеводой, и с каждым шагом пустота вокруг и внутри мастерицы росла и множилась, пока не осталось от Зани лишь тусклого огонька, бродящего среди мрака. Пропало всё, по чему можно было бы ступать. Зубы беззвёздного космоса сомкнулись на одиноком светочке, но осадок человеческий отказался тонуть в его глотке.

Свет коснулся паутины незрячего мастера, чьё имя более некому вспомнить. Из пустоты явились руки и примкнули к своему сияющему владыке, чтобы понять меж линий разницу. В вибрациях натянутых нитей пальцы поймали грубые рисунки машин, что населяли огром-

ный цех: их образы светоч вырвал из бездонной пасти увязавшейся за ним Мировой Каверны. Великий горн, само Цынное сердце, стучал громко, приветствуя единственную живую душу. Светоч хотел что-то сказать вслух, крикнуть наперекор своей бездонной попутчице, но та не возвращала язык и губы. Сухое горло, восставшее из вакуума, с хрипом воздуха набрало – и выдохнуло.

Светоч не смотрел, но видел нечто яркое, также не потухшее в безграничном мраке. Он схватился за осколок своей руками, не боясь обжечься, но ядрышко из Драконьей Гибели оказалось холодно.

Зань звездой яркой вспыхнула на всю мастерскую, касаясь каждой её грани. Лучом прошла она сквозь Драконью Гибель, наполняя металл теплом и жизнью, меняя форму ежесекундно. Вдохнул совсем иным жаром горн, стучали механические молоты, скрипнула в глубине скал единственная шестерня, чтобы пробудить великую машину Сиим. Зань заполнила собой весь чёрный город, по кускам возвращая части его и свои. Это было перерождение, создание себя заново чрез работу над мистической сферой. Мир новый постепенно выходил из собственной каверны, неотличимый от предыдущего. Прошла целая вечность, прежде чем дрожащие от усталости руки рискнули коснуться повязки на мокрых глазах.

– О великое Биланх... – шептала Зань, не сдерживая боле слёзы, – Пустота – мать твою, рабыня, гончая – не смогла даже дотронуться до души – единственного, чего тебе не понять, не взвесить, не подчинить. Секрет великой силы ты спрятали от ума и даже чувств, оставив последнюю к тайне дорогу через ничто.

– Вы в порядке, Зань Стук, дочь Регола Стука, кузнец из города Киррик?

Мастерица была счастлива услышать такое длинное, подробное обращение. К стражу подскочила она и крепко обняла, насколько позволяли его латы.

– Да! Я рада тебя видеть! Слышать! Касаться и понимать всё, что ты говоришь! – Зань засмеялась. – Спросить чего хотите? Так спрашивайте!

– Вы вернулись из паломничества. Вы справились? – осторожно поинтересовался страж, снимая с себя тёплые руки.

Зань обернулась. На верстаке, среди дюжины инструментов, лежала сияющая механическая сфера, внутри которой хранился фрагмент Заниного духа.

– Да... Создать душу из пустоты невозможно, великий страж, как и пустоте душу отдать. Лишь поделившись частью, можно создать нечто столь прекрасное. Каков ваш вопрос?

– Вы чувствуете какую-то пустоту внутри себя?

Зань коснулась груди: всё в ней было на месте.

– Нет. Цела я, и дело моё здесь окончено. Теперь мне нужно вернуться домой, в Киррик... – вспомнила она давнишний разговор. – Только вот как?..

– Вы прошли через Мировую Каверну, – напомнил солдат. – Ваше изделие есть лестница, соединяющая материю и то, что ошибочно можно назвать пустотой.

Зань сжала сферу в одной руке, второй описала перед собою круг. То, что осталось в свободных пальцах, было не чем иным, как пустотой, ныне осязаемой.

– Вы есть последняя жрица Единого На Двух Чашах, и паломничество ваше начинается с сего дня и до конца жизни. Каков ваш вопрос?

Мастерица задумалась.

– Значит, мы с вами – его последние приверженцы?

– Получается, что так.

– Тогда, прежде чем я покину наш великий город, давайте навестим кое-кого. Того, кому я всю жизнь буду благодарна не менее, чем вам.

Зань и страж пошли по тропке, что тянулась от большой дыры в городской стене. Короткую дорогу они эту совершали раз в год с того самого дня, как провели похороны. Под сводом кривых скал, в промёрзшей земле, что поддалась лишь силе механического обитателя, ныне

лежал предыдущий Биланхов жрец. Цветы, что некогда в снегах дышали, возложены были подле могильного камня, вытесанного из осколка гранитной стены. «Здесь покоится великий мастер Зук, который бездарностью никогда не был», – тянулась сквозь чёрный камень надпись. Страж склонил колено, опустил голову ближе к земле, затем что-то шепнул мертвецу на сиимском. Поднявшись, он коснулся ладонью могучей слитого со шлемом забрала – знак высшей солдатской чести.

– Я выполнил твою просьбу, Зук, – сказал он, растянув руки по швам угловатого панциря, – боле никого не удержит мой город. – Страж обернулся к Зани: – У вас вопрос?

– Да. В чём была ваша просьба? – Зань возложила ещё цветов к могиле. – Не могли же вы не попросить чего взамен.

– Чтобы отшельник мой город покинул.

– И просьбу он эту выполнил... – Она с грустью посмотрела на надгробие.

– Верно. Каков ваш вопрос?

Гостя всё не решалась спросить.

– Не хотите... отправиться со мной, страж? Там, откуда я родом, будут рады вашей силе и уму! – слова её были искренни.

– Моё место здесь, Зань Стук, дочь Регола Стука, кузнец из города Киррик. Я останусь с покойными слепцами, пока они не сгинут и я не сгину тоже. Каков ваш последний вопрос?

– ... Не подняв меча?

– Не подняв меча.

Страж довёл Зань к вратам: тем самым, что скрипели на краю обрыва; что порогом своим запомнили кирку. Внизу мастерицу наверняка заждались другие испытания. Впереди – путь домой, к отцу и сёстрам, изготовление страшного заказа, подписанного на тени. Сжав в руках часть своей души, заключённой в Драконьей Гибели, она прощупала носком ботинка пространство дальше края обрыва – не почувствовала бездны между ними. Невидима ступень, одна из тысяч, что её с гор спустит!

– Прощайте, великий страж чёрного города! – Она вновь обняла холодную машину. – Не скучайте здесь без меня! Это – моя просьба!

– Хорошо, – солдат кивнул. – Но тогда и вы выполните мою.

– Ах так! Слушаю вас.

– Не оглядывайтесь.

Он дале стоял на краю обрыва, сопровождая взглядом железным мастерицу. Та шаг за шагом покоряла пустоту, непоколебимая и сильная, владеющая навыком, произросшим из чувства. Человек, вернувшийся из царства самого Биланх, отправился домой. И хоть ступеней было немало, Зань под самую ночь коснулась земли Регалийской. В последний раз она посмотрела на город Сиим: слепое око покойника, сверкающее сквозь скалы, медленно тонуло в ночи и терялось из виду, как всякое сущее перед Мировой Каверной.

Мастерица явилась в самый тёмный час, но несколько загульных пьяниц да бездомных разглядели возвращение пленницы Цынных гор, но их полному спирта восторгу всё равно бы никто не поверил. Одна рука из темноты лишь коснулась Заниной тени, пока её пьяный владелец пытался издать хоть слово.

Младшая сестра прокралась под громкий храп городской стражи и нырнула в знакомую кузню: уж больно хотелось Зани навесить старика, что некогда приютил её. Мастер сначала даже не понял, стоит ли в дверях призрак рыжеволосой девушки или ту отпустил проклятый город. Рассказала Зань всё, что с ней случилось, позабыв пару мрачных деталей, и историей своей сильно впечатлила кузнеца. Дав кобылу, провизии да доброго слова, тот попрощался с лучшим своим подмастерьем. До глухой и беззубой старости рассказывал он после о пленнице чёрного гранита, что вызволилась из своего заточения.

Шер`Дам, Лива, затем Мердон и крепость Гаард на границе с Королевством, к пересечению трёх рек, в Киррик. Вернулась Зань в родной дом! Регол, не пряча чувств, бросился к младшей дочери своей. Постарел мастер: совсем скрылись в седине волоса пламенные, весь ссутулился он, как под тяжёлым весом.

Расспросов было с гору: как путь прошёл, много ли повидала, цела ли осталась. День и ночь сидели они и говорили, говорили, говорили, вопросом на вопрос, ответ за ответом. Показала Зань, как руками своими чует она металл, какую вещь из души собственной сотворила, – так отец и охнул.

– Где ж это видано?.. Знал древний люд, как к равенству свершиться...

– Главное – баланс, отец, – улыбнулась Зань. – Чувств, энергии, жизни. Всего и ничего. – Она повернула голову к массивной двери: – Моя очередь. Не было ли от сестёр вестей?

– Ленна средь Бессмертных осела, вся в науках, а от Игны совсем ни письма, ни слова, как пересекла Врата Железные... – ответил отец с тихой нотой тревоги.

– Не печалься. Они обязательно вернуться. Я чувствую это.

Где-то далеко-далеко, стоя у самого обрыва, последний воин исчезнувшего царства встречал рассвет. «Есть ли у вас воля, великие светила?» – спросил в мыслях солдат Сиим у пробуждающихся солнц.

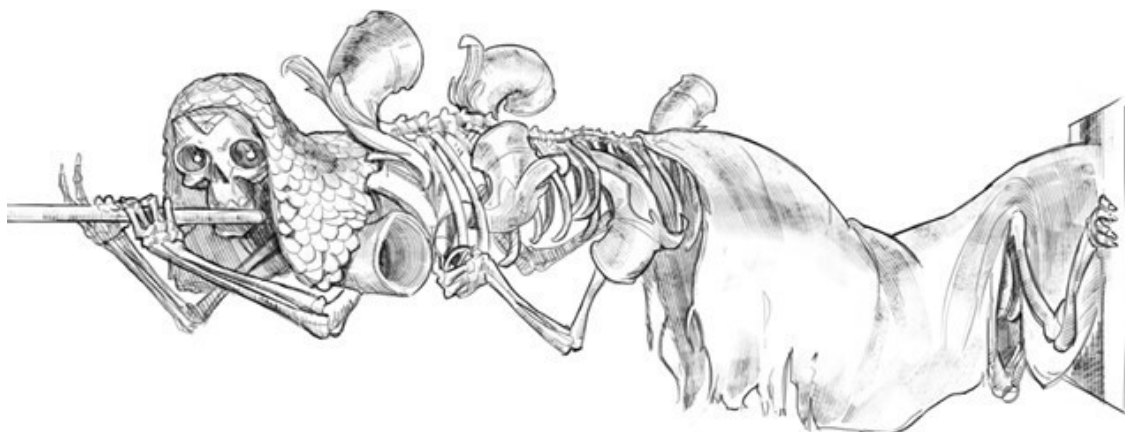
Алый воин, расправившись с последним наёмником, втянул ноздрями лесной воздух, чтоб меж запахов хвои и влажного мха почуять пуценную королевскую кровь. Он помнил этот запах веками: с тех самых пор, как владыка заключил договор с вождём человеческого племени, что желал подчинить себе Эпилог. Голову свою человеческую воин обратно к плечам приставил, спрятав в заколдованное нутро обезображенное лицо зверя, и медленно поплёлся к недобитой цели. Юноша, со всех сил сжимая глубокую рану, затаил дыхание. Гибель его неминуема.

– Смерть пахнет железом и солью, бастард, – гремел алый воин двумя голосами. – А чем пахнет земля под тобой? – только человеческий язык остался в его глотке. – Тем, что забирает: слезами, гневом, обидами. Когда заберёт она и меня?

До явления трёх из алой свиты оставалось четырнадцать лет.

ЛЕННА: часть первая

Застеленное густыми туманами, обдуваемое четырьмя ветрами, непоколебимо стояло жилище детей Самой Седой Смерти. Недалёк до него путь, да сложен: Северный Некрополь построен был поодаль от домов людских, и троп вело к нему множество, да петляли они сквозь дикую чашу, чтоб всякий Смертный скорее ногу сломал, чем дошёл до обители вечного народа, встречающей бледные солнечные лучи острой вершиной.

Простой люд в большинстве своём недолюбливал жителей пирамиды кости и розы, описывая их словами громкими, оттого и пустыми. Много о Бессмертных складывали небылиц да откровенных выдумок: и что скотине забавы ради кровь пускают, и что знахарей изводят шёпотом колдунским, и что на кладбищах посреди ночи костями своими гремят. Хотя встречались Ленне в дороге и те, кто был лично знаком с некоторыми жителями Некрополя.

Один мужик картину хранил, рукой костяной написанную. Всем при случае хвалился, гостям показывал осторожно, сдувая пылинки с холста, вот хвостун Ленне и попался. Другу мужика этого исполнили песнь голосами разными чрез глотку несуществующую – по крайней мере, так он мастерице рассказал. А вот третий – коего давненько оба мужика не встречали – вовсе недалеко от Бессмертных поселился, аки демон лесной, чтоб почаще с образованным народом о высоком толковать.

Так вот последний в этой веренице расспросов, обросший бородой да мхом поверх бороды, и вывел мастерицу к Северному Некрополю: негласной столице искусств, в коей каждый обитатель обладал талантами не просто выразительными, а легендарными. Отчего и обращаться надо к Бессмертным не иначе, как «мастер».

Ленна, набродившись по чужим указаниям да наперёд загадывая, встала у высоких врат, в город Бессмертных ведущих. В массивных дверях, что даже на взгляд стояли недвижимо, тихо гудели высеченные слова забытой речи. Одинокий дверной молот формы женской руки изящной точно давно не знавал касаний. Ленна подняла голову: камень, железо и кость в плотном сплетении сходили в высокую пирамиду, острой вершиной едва касающуюся полуденных солнц. А возле вершины лениво плыл чернее чёрного ворон, в присутствии Ленны не издавший ни звука. Вид завораживающий да жуткий постороннему взору: не для смертных людей возведено строение, не мозолистыми руками заложен фундамент, в глубь земли уходящий.

Мастерица долго не могла собраться с духом, донимая себя лишними мыслями. Пройдясь по ним напоследок, Ленна несколько раз постучала дверным молотом. Стук уходил в глубь строения, аж буквы древние чуть засияли. Кто-то постучал в ответ, будто в издѣвку. Средняя сестра сделала шаг назад.

– Почём стучишь? – спросили глубоким басом за вратами. – Коль открыто – заходи, коль закрыто – уходи.

- Невежливо входить без стука, – поправила незнакомца Ленна. – Да и ручки-то нет.
- Вот как? – протянул неизвестный.

Что-то в стенах пирамиды громко загремело. Скрежет, гул и кашель раздались синхронно, как если б пробудилась от пыльного сна страшная машина. Друг о друга застучали старые кости. В стене пирамиды, на высоте десяти голов над воротами, распахнулось окошко, откуда по пояс высунулся Бессмертный, одетый в длинную рваную мантию и опутанный медными трубами. Очи его, что представляли из себя два уголька в пустоте глазниц черепа, горели холодно-зелёным. Ленна поспешила поклониться.

– Манеры красят гостя. Тебе чего, дитя? – спросил Бессмертный, длинными мёртвыми пальцами описав силуэт Ленны. – С пути сбилась? Если дорога сюда вела – то была эта дорога кривая да лживая, вот что тебе скажу.

- Да мне бы внутрь зайти, найти кое-кого... – молвила Ленна.

Одинокий ворон подлетел к Бессмертному. Тот, выставив вперёд одну из голых рук своих, принял на указательном пальце чёрную птицу. Та громко поприветствовала стража и осталась при нём, крепко ухватившись лапками за кость.

– Ну, представься для начала, – посоветовал мастерице Бессмертный, переглядываясь с вороном. – Негоже являться к порогу чужого дома безымянным.

- Простите. Я – Ленна Стук из города Киррик, кузнец.

– Я – Виридиан, страж Северного Некрополя. – Бессмертный чуть поклонился, рискуя нырнуть из окна. – Прошлые титулы, увы, потеряли вес.

- Приятно с вами познакомиться, мастер Виридиан, – честно ответила Ленна.

Бессмертный, кивком прогнав птицу с пальца, упёрся руками в каменные ставни и подался вперёд и вниз из своего убежища. Каково было удивление кузнеца, когда та увидела, что тело стражника растянулось на добрую дюжину аршинов, пока не нависло аккуратно рядом с ней гигантским змеем. Мастерица насчитала как минимум десятков рук, по пути перебирающих шепчущиеся вентили да клапаны меж оголённых рёбер. Прикрыл Виридиан плечи и череп капюшоном из медной чешуи, с висков его свисали золотые змейки, а во лбу был вырезан вершиной вниз треугольник, полный пересекающихся меж собой ломаных линий.

– От тебя несёт магией, Смертная! – заметил Виридиан. – На тебя наложили какое-то заклятие!

- Знаю, но я здесь не по этой причине.

Страж, бросив ненадолго взгляд на алую тень мастерицы, кивнул уже самому себе и втянулся обратно. Ворон поспешил вернуться к пальцу.

– Какой такой причине? – осведомился Виридиан. – Смерти сыскать хочешь? Места для этого лучше не найти. – Виридиан осторожно погладил птицу по перьям. – Но могу совет дать: разворачивайся да иди от дверцы этой подальше, рано тебе ещё издыхать. Внутри для Смертных дела никакого нет.

– А у меня есть дело! – возразила Ленна. – Мне нужно найти знания своего предка, великого мастера по имени Кирр!

- Думаешь, они у нас имеются, знания эти? – не скрывая сомнения, спросил Виридиан.

– Да, имеются! – быстро ответила Ленна. – Ваш хранитель пергаментов, мастер Краплак, звал Кирра! Тот велел Бессмертному передать свои работы потомку!

– О, кто-то «велел» нашему почтенному Краплаку? – спросил страж у пернатого друга. – Какая прелесть! – он хрипло рассмеялся. – Краплак подтвердит твои слова?

- Да!.. – уверенности в слове мало.

– А если нет?.. – загадочно протянул Виридиан. – Если ты лжёшь или просто заблуждаешься, почём мне тревожить нашего библиотекаря? Он у нас важный, очень занятой.

Ленна притихла ненадолго. Не стал же отец тешить своё чадо несбыточными надеждами, не выдуманной же сказкой дорогу ей указал? Мастерница кивнула сама себе, припомнила пример сестёр своих – людей уверенных, не по годам мудрых – и строго ответила стражу:

– Даю руку на отсечение, что не лгу и не заблуждаюсь.

Тот дрогнул раз, раззявив широко рот, затем поскрёб под капюшоном, что-то соображая.

– Не нужно себя так травмировать, дитя! – воскликнул Виридиан. – Мастер без руки себя не прокормит, ждать тебя будет голодная смерть! Что же вы, Смертные, такие даже к себе жестокие?..

– Я не совсем это...

– Тихо, Смертная! – перебил громко Виридиан, поправляя одну из трубок. – Я вызываю Краплака. А коль обманываешь меня... – Виридиан призадумался. – Я, так и быть, сам тебя руки лишу...

Он подтянул к своим зубам одну из бесчисленных труб, издал в неё звук, похожий на кашель, а затем крикнул:

– Краплак! – Ворон вздрогнул от громкого приветствия. – Тут Смертный гость к тебе пришёл, сказал, что ты ему чего-то должен.

Ещё одна конечностей пара подтянула трубку потоньше к виску Бессмертного. Виридиан притих ненадолго.

– Да! Говорит, что ты знаешь его предка, некоего Кирра. – Он помолчал, дожидаясь ответа. – Так ты знавал или не знавал такого? Ты там обещал ему... – Его перебили. – Вот, да, именно... – Снова притих, прислушался. – Правда? А то память нынче никакая...

Ленна затаила дыхание. Не было ни шанса расслышать хоть одно слово библиотекаря.

– Понял, – глаза Виридиана сверкнули холодно-зелёным.

Страж выпустил трубки из рук, и те мгновенно втянулись в его остов, перешёптываясь. Бессмертный молча взглянул на девушку, и та, вновь собравшись с духом, спросила:

– Так что же, мастер Виридиан?..

– Что-что... – он пожал плечами в знак бессилия перед собственным словом. – Остаёшься без руки!

Ленна попятилась в ужасе. Виридиан закивал, пощёлкивая зубами и страшно хохоча. Чёрная птица взлетела к вершине пирамиды Бессмертных с громким вскриком, будто провожая мастерницу в последний путь. Пополз наружу страж; бесчисленные руки, чередуясь меж собой, вынесли к передней паре конечностей здоровенный топор с лезвием широким. Сдвоенное, длинное и кривое топориче, как от косы, было полно маленьких дырочек. Как вцепился крепко Виридиан в своё орудие, как взмахнул им над собой – так зашептало оно нотами старыми, до костей пронизывающими. Так и встала Ленна на месте, позабыв даже вздрогнуть. Вот смерти древний лик застыл перед её глазами, расправив капюшон, как ядовитый змей.

– Да шучу я! – Бессмертный приподнял свободные руки, как если бы сдавался в плен. – Смертные такие смелые на словах, но такие трусливые на деле...

– Так я... Я... – не торопилась Ленна вновь уверовать в сохранность жизни своей.

– Краплак ожидает тебя внутри, – перебил мастерницу Виридиан, пятясь обратно в окошко, – проходи, дитя, будь как дома, если дома ты ничего не трогаешь, ни на кого не смотришь, звуков не слушаешь и не издаёшь. Иными словами: ведёшь себя так, будто тебя и нет вовсе. – Он постучал пяткой топорича по надписям на воротах. – Вообще, правила здесь написаны, но язык этот, стало быть, вами уже забыт!.. Счастливого пути, милое дитя, и удачи! – прогремел страж.

Выдав из себя улыбку, Ленна снова поклонилась Виридиану. Тот, напоследок взмахнув большинством рук, вернулся в окошко вместе с орудием, лезвием его подцепив и захлопнув за собой ставни. Послышался единый глубокий вдох дюжины мехов, а дальше – музыка красоты неопишущей, едва доступной человеческому уху. Десятки флейт и труб запели то тихо и

звонко, то громко и низко, сплетаясь в симфонию столь прекрасную, что у мастерицы невольно выступили слёзы. Вернулась она к воспоминаниям о радости и горе, кои в жизни её случались. Поднялись в памяти её размытые картины дней прошедших: смех сестёр, усталый, но добрый взгляд отца, раненная о придорожный камушек коленка, тёплые воды трёх рек, буквы, сложенные в простое слово, сказка при свече, выкованный в поте лица гвоздь, первая любовь и первая же разлука. «И это – всё, что видят молодые мертвецы», – подумала Ленна, вытирая глаза.

На низкой ноте, тяжкой и полной последней скорби, врата распахнулись, выпуская нюху Ленны тонкий запах роз. Девушка сделала лишь один крохотный шагок – как тут же оказалась внутри, в полной темноте. Врата за ней закрылись плотно, не пуская в обитель Бессмертных и нити света. Ленна вздрогнула, попятилась – да некуда. Что-то моргнуло во мраке: два рубиновых огонька приближались к мастерице.

– Кости да пепел, Виридиан! – выругался их обладатель голосом высоким, но хриплым. – Дай гостю света!

И вспыхнул ярко свет. Ленна зажмурилась, несколько раз моргнула, пробуждая глаза от мрака, и ахнула: не видела смертная девушка красот таких даже во сне! Мрамор и золото тянулись до вершины, росписи о живом и за ним идущем занимали пропуски среди блеска и богатства. Каждый искусный завиток плавного узора оканчивался сложным барельефом черепов людей, зверей и птиц: их пустые глазницы сияли драгоценными камнями. Длинное тело бессмертного Виридиана висело кольцами над головой, поддерживая изнутри стены пирамиды, и уходило хвостом глубоко вниз, в зияющую бездну в дальнем углу.

Владельцем рубиновых очей оказался сгорбившийся Бессмертный. Одет был сын Самой Седой Смерти в выцветший узорчатый халат, обмотанный нитями по закатанным рукавам и поясу. Под длинной полой, тянущейся за библиотекарем хвостом, стучали об пол грубые башмаки. Лик был прикрыт толстенной книгой, число закладок в которой придавало ей вид пёстрого ковра со множеством кисточек. На лбу Бессмертного стояла восковая печать с тонкой, от руки исписанной лентой пергамента, разделяющей лицо до отсутствующего носа. На правом виске – перо для письма, на левом – миниатюрная чернильница, окаймлённая золотом. Белый череп поддерживали серебряные спицы, идущие от лопаток и грудины до скул и нижней челюсти, с них свисали тонкие медные пластинки. Странного вида устройство, напоминающее подзорную трубу с полдюжиной линз, обрамляло левый глаз Краплака. Неведомый агрегат тихо пощёлкивал выпуклыми стеклянными дисками.

– Добро пожаловать в Северный Некрополь, Ленна Стук!.. – поприветствовал Бессмертный мастерицу, не отвлекаясь от книги. – Я – Краплак, хранитель библиотеки. Простите за такой вид: ваш неожиданный визит оторвал меня от исследований. – Он бросил быстрый взгляд поверх книги. – Хоть бы письмом предупредили...

У Ленны к тому моменту совсем онемел язык: она не могла и двух слов связать, а лишь кивала в ответ да тарасилась то на красоты вокруг, то на Бессмертного. Тот, чуть закатив глаза, захлопнул своё чтиво и спрятал за пазуху, обнажая ряд золотых пластин вдоль нижней челюсти. Громкий хлопок, кажется, вернул мастерицу в сознание.

– Понимаю, понимаю, зрелище завораживающее, спору нет! Да только я своим видом всё здесь порчу... – хранитель библиотеки провёл пальцами по мраморной стене. – И всё же советую скорее вернуть себе дар речи. Я подожду, хоть временем свободным не богат.

Ленна закивала, хотя не слышала и половины слов. Набравшись воздуха, она выпалила:

– Здравствуй, мастер Краплак! Простите, что потревожила вас! Отец послал меня за трудами нашего предка, кузнеца по имени Кири! Он передал вам свои знания, чтобы вы сохранили их! Прошу! Нет! Умоляю! Отдать их мне, его потомку! – и тяжело выдохнула.

– Славно, – покивал Краплак, – прямо и по делу, хоть и не без шума. Прошу за мной.

Он зашагал к центру пирамиды, но внезапно обернулся к Ленне. Та замерла на месте.

– Что это за вами такое? – Бессмертный смотрел за плечо девушки.

– За мной? – она тоже оглянулась, но увидела лишь проклятую тень. – А... Это – часть договора.

Краплак присел на одно колено возле алой темноты, свет глаз сузился до двух ярких точек. Линзы защёлкали ещё быстрее, вытянувшись в длинную шеренгу перед оком Бессмертного.

– Любопытно... – пробормотал он, плавным движением руки вооружаясь пером.

Сделав несколько заметок уже в другой книжонке, что точно так же располагалась за пазухой, Бессмертный задрал голову и сказал громко вездесущему стражу:

– Виридиан! Спусти нас!

Дивная клеть, что могла б вместить полдюжины людей, поднялась из мраморного пола абсолютно бесшумно, пуская по камню круги, как по воде. В плавных линиях прутьев чётко угадывались рёбра, сходящиеся на замочном механизме. Краплак жестом подозвал Ленну за собой, отворил клеть, пропустил сначала гостью, а после зашёл сам.

– Держитесь за что-нибудь, – попросил Краплак, – но только не за меня.

Ленна вцепилась обеими руками в холодные рёбра, и конструкция вокруг двоих закрылась. Потянулся гул труб, знаменующий скорый спуск. Незримые механизмы или колдовство Бессмертных привели клеть в движение, и та прошла сквозь мраморный пол. Ленна задержала дыхание.

– Сомкните глаза и не размыкайте до тех пор, пока мы не достигнем моей библиотеки, – обратился к мастерице Краплак. – Многие вещи здесь вам видеть нельзя.

Ленна, с глубочайшим скрипом разочарования в одиноком вздохе, прикрыла глаза. Северный Некрополь был полон музыки разной, собранной по нотам со всех частей света и заключённой в мраморных пустотах. Этаж за этажом в дуновениях холодного ветра чуяла мастерица запах роз и кости. Всё больше разрастался в ней лёгкий ужас, порождённый неизведанным. Ленна ощущала присутствие Той, Что Забирает: её пристальный взгляд меж седых прядей, холодные пальцы перебирали с внешней стороны золотые прутья.

Живым здесь не рады.

– Вам понравилась песня Виридиана? – Бессмертный внезапно завёл беседу.

– Та, что прозвучала во время открытия ворот? Очень, очень понравилась! Она полна жизни и... тоски, – призналась мастерица.

– Жаль, что редко он нынче её исполняет. Наши бродячие родичи некогда часто возвращались в Некрополь, а теперь... – Он на мгновение стих, предаваясь воспоминаниям. – Как поживает Кирр?

Не менее внезапный вопрос.

– Никак. Он умер, мастер Краплак, – ответила Ленна.

– Правда? – тот не скрывал удивления. – Ах, верно. Соболезную.

– Он умер до моего рождения. Очень, очень давно. – Ленна не могла припомнить, сколько десятков или даже сотен лет стоял Киррик.

Краплак, видимо, задумался. Почесав череп, он тихо спросил:

– Извиняюсь за нескромный вопрос... А у скорби есть какой-то срок? Просто вы не выглядите расстроенной смертью Кирра...

Ленна несколько замялась с ответом. Но, припомнив отцовскую мудрость, решительно сказала:

– Люди не могут вечно жить в скорби или в сожалении, мастер Краплак. Иначе и нас, и вас затопило бы горькими слезами.

– Вот оно как... – Бессмертный заскрипел пером о книжную страницу. – Любопытно. А один песенник, который опять где-то шляется, говорил, что люди готовы тонуть в слезах чуть ли не всю их оставшуюся жизнь, дай только похоронить кого. Наглый лгун!.. – добавил он вполголоса.

– Вы сами редко покидаете Некрополь, мастер Краплак?

– Во внешнем мире у меня почти не осталось дел. Моя задача – хранить знания, сосредоточенные в библиотеке.

– Но вы же чем-то ещё занимаетесь?..

– Да. «Что-то ещё» – это как раз про мои дела, – не без разочарования в голосе согласился Краплак.

Ленну внезапно озарило. Сколько времени они спускаются? Разум подсказал: достаточно долго. Всё тише становилась музыка, всё громче гремело что-то тяжёлое, механическое. Она раздвинула пальцы, чтоб хоть на секунду взглянуть на город Бессмертных, но Краплак сам приложил костлявую руку к её глазам.

– Вы здесь – чужая, моя милая гостя, – предупредил еле слышно Краплак. – Ваше присутствие нарушает целый свод законов, писанных рукой бога, один лишний взгляд – и душа ваша навсегда осядет здесь, а пустое тело обратится в прах да кости.

– Вы могли бы вынести сами знания Кирра, мастер Краплак... – заметила Ленна, ещё более перепугавшись, – и тогда...

– «Вынести»? Сомневаюсь... – возразил Бессмертный. – К тому же в библиотеке сейчас стоит полный бардак после Прето.

– Прето? Это ещё один ваш брат?

– Да... – с невероятной неохотой признал Краплак своё родство. – Прибыл из Южного Некрополя по большому и важному делу.

Ленна на короткое время ушла в глубокие раздумья.

– Погодите. «Южного»?!

– Наш Некрополь называется «Северным» не просто так. Против каждого ветра стоит по Некрополю. А вы и не знали... – он усмехнулся. – Действительно, откуда вам знать?

– И в Южном тоже промышляют искусством?

– Нет-нет-нет, – от такого предположения он почти смеялся, – эти варвары наверняка считают своё дело «искусством», но точно не мы.

Ленна была готова лопнуть от превышающего все доступные пределы числа вопросов, но золотая клеть остановилась. Лишний раз убедившись, что мастерица не смотрит и не видит, библиотекарь повёл её за собой. Вновь отворились каменные врата – куда меньше, чем на поверхности, – Бессмертный и Ленна зашли внутрь.

– Разрешаю вам видеть, – молвил Краплак, отдаляясь, чтоб не портить пейзаж.

То был просторный зал в приглушённом свете гнутых ламп. Аккуратные ряды полок тянулись дальше Ленниного взгляда: от фолиантов вековых и тяжёлых до грамот берестяных были разложены труды то ли по возрасту, то ли по ценности сохранённых в них знаний. Библиотека Стуков рядом с коллекцией Краплака – как капля возле моря. Часть коллекции была готова рассыпаться в прах от слишком пристального взора, другая часть пережила бы всё человечество в толстенных томах страницами металлических пластин. Все письменные сокровища содержались в полной чистоте: не нашлось в зале ни пылинки, ни серебряной нити паутинок, посмевающей бы коснуться книг. Надо полагать, что и пауков здесь не водилось.

Посреди зала стояло резное кресло, обитое шелками, да вытесанный из камня стол, заставленный книжками совсем новыми, только-только привезёнными откуда-то издалека. Краплак уселся на свой трон, как влитой, пока Ленна плясала в его владениях от полки до полки, боясь коснуться чужих знаний.

– Здесь, кажется, есть всё, что разум мог запечатлеть знаком!.. – Мастерица искрилась трепетом. – И каждая книжка лежит на месте своём. Про какой такой «бардак» вы говорили, мастер Краплак?

Бессмертный с неохотой оторвался от новой книжки.

– Прето спутал мои закладки в «Орбиталях пустот»! – объяснил библиотекарь. – В общем, здесь обитают знания достопочтенного Кирра, даже немножко больше, – он кивнул черепом на книги и вновь вернулся к чтению. – Приступайте.

Глаза Ленны вспыхнули пуше прежнего.

– Где?! В каком из этих столбов вековых знаний лежат его записи?

– «Записи»? – Смех Краплака скрипучий, как пером по бумаге. – Читать-то Кирр умел, а вот писать был не любитель.

– То есть?..

Краплак тяжело вздохнул: знак смирения Бессмертного из пустой груди звучал, как шёпот призрака. Он медленно закрыл книжку и спрятал за пазуху, подался было чуть вперёд, пытаясь вырваться костями из насиженного плена, но лишь вдавился глубже в кресло. Приняв своё положение, он заговорил громче:

– Кирр был смышлёным Смертным. Наверное, умнейшим из его современников. Двадцать лет он просидел здесь, среди моей коллекции, набираясь знаний из каждой строки, каждой буквицы или сложного символа. Я оставлю свои сокровища – под строгим запретом что-либо отсюда уносить, кроме как в собственном уме, – на ваше честное использование.

«Двадцать лет», – гремело в голове у мастерицы. Как ещё одну жизнь оставить среди книг, в земных глубинах Той, Что Забирает?

– Но у меня нет столько времени! – девушка уставилась на Бессмертного. – Сёстры мои, Киррик – да всё человечество погибнет, если я не успею...

Слова Ленны не впечатлили библиотекаря. Он посмотрел на свою гостью пристально, но совсем бесстрастно. Кажется, угольки в пустых глазницах лишь потускнели.

– Тогда вам не стоит медлить, Ленна. Или – если я вправе предложить такой вариант – уходите отсюда. Скажите только слово, и мы немедля отправимся наверх...

– Нет! – вскрикнула девушка. – Нельзя наверх!

– Пожалуйста, не кричите. Тут не самое лучшее место для громких звуков. Да это место вообще не для звуков! – чуть разгневался он, но быстро успокоился. – Думайте, Ленна Стук, а я тем временем рассмотрю вашу тень поближе...

Пока мастерица взглядом, почти испуганным, мерила осевшие на пожелтевших листах знания вдоль длинных полок, Бессмертный припал к её тени, вновь защёлкав механическим окуляром. То и дело тянул он свои костлявые руки к алой пелене, едва касался её краёв и тихо посмеивался от отступающего вокруг ладони мрака. Он шепнул что-то на демоновом наречии – невинное заклинание, известное лишь народу Смерти, – и вся тень скрючилась в длинную ленту, растянулась до ближайшей стены и на неё залезла, как кошка от собаки.

– Что вы делаете, мастер Краплак?

– Не видно? – Он даже не приподнял головы. – Балуюсь с вашим попутчиком. Ой, не нравится? – он обратился к тени, от которой осталась лишь багряная нить. – Ну-ну, милое проклятие, попадись ты Тригону, он бы тебя уже выпотрошил и на слоги нарезал... Тебя не прошептали, не пропели хором... Ты – есть глас могучего чародея, быть может, более толкового, чем мы... А мы, между прочим, колдовать без железок можем... Чьё ты слово, милое проклятие?..

– Это кровь слуги некоего владыки, каплей брошенная на мою тень. В его видении – пришествие демонов по окончании войны.

– Какой ещё войны? – Он чуть приподнял череп. – Что в этот раз Смертные не поделили?

– Корону, мастер Краплак, – ответила девушка.

Но он не услышал: лишь дальше перешёптывался с тенью кузнеца, как ребёнок с игрушкой. До этого момента Ленна свыклаась со своей попутчицей, проблем от которой было не так много, чтобы вспоминать о ней. Зато в памяти вновь поднялись слова неизвестного господина, что силой нечеловеческой разведал будущее. И даже если всё это – обман или дурная шутка,

стоило бы отказаться от овладения Драконьей Гибелью? Стоило бы идти против веры отца в своих дочерей?

– Я приняла решение.

Краплак, дав себе мгновение тишины для осознания, скоро поднялся. Доселе сторбившийся Бессмертный вытянулся, расправил плечи, показав тем госте истинные свои габариты. Огни в пустых глазницах – два факела, сквозь которые прошли океаны букв, иероглифов и цифр. Затем плавно протянул руку в сторону двери.

– Понимаю, – голос его стал излишне снисходителен, – я вас провожу...

– Я остаюсь.

– Кости да пепел!.. – Он почти что топнул в недовольстве, пока возвращался в прежнюю форму ссутулившегося библиотекаря. – Ладно, оставайтесь, но подыщите себе в деревне место для ночлега: долгое нахождение среди матери нашей Смертным губительно.

– Исключено. День и ночь я буду здесь.

– «Исключено»?! – уж сам Краплак повысил голос. – Да что вы такое говорите?!

– У меня нет двадцати лет, мастер Краплак. Я должна успеть вернуться. Человечество в опасности!

– Проблемы у вас. *Из-за* вас. А нянчиться мне, стало быть?

– Управлюсь за десять лет. – Ленна была непреклонна. – Помогите мне, мастер Краплак, и род Стук будет перед вами в долгу вместе со всем смертным миром.

Она протянула библиотекарю руку. Тот вскользь взглянул на ладонь мастерицы и быстро отвернулся.

– Ой, нет! Никаких долгов, никаких больше рукопожатий. – Он склонил голову и тихо добавил: – Делайте то, что считаете нужным, Ленна, я обязуюсь помочь, но прошу... Избавьте меня от ваших глупых ритуалов.

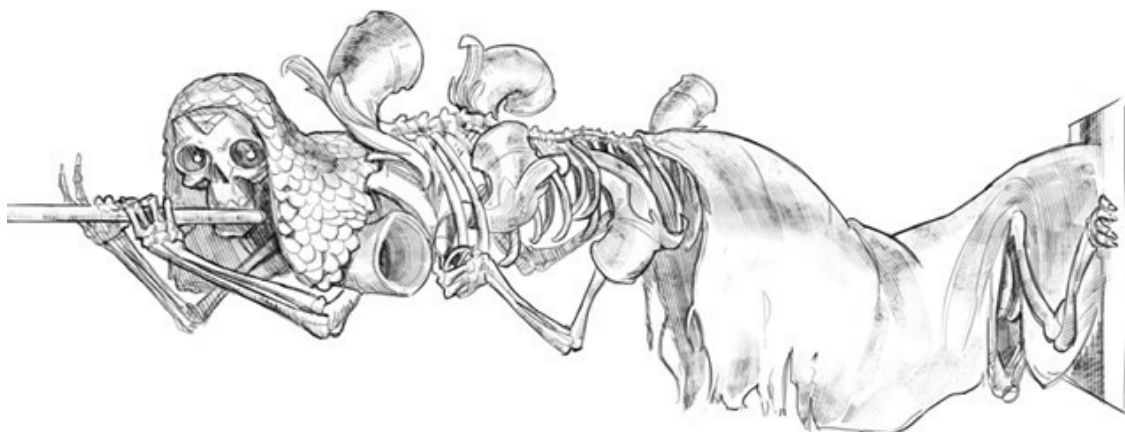
Ленна руки не отвела, а напротив: держала протянутой, без капли дрожи. Краплак, издав нутром костяным упырский рык, большим и указательным пальцами схватил ладонь мастерицы и несколько раз кивнул.

– Спасибо, мастер Краплак. Я не забуду вашей доброты.

– Да-да-да... – бросил он и вернулся за чтение в любимом кресле.

ЛЕННА: часть вторая

Годы шли, и тело средней сестры, супротив крепчающему разуму, слабело. Она всё реже возвращалась на поверхность, подставляя лик затуманенным солнцам, и всё чаще углублялась в безотрывное чтение. Кожа её стала белее кости, всякий Бессмертный не считал девушку чужой в вечном доме. Даже Сиенна – могущественный лич всего Некрополя – вежливо кивала гостье из мира живых, когда посещала библиотеку. Те, кто бывал на поверхности, поспешили вернуться домой и навестить свою гостью: уж больно было интересно своими глазами увидеть такое редкое явление! Приносили бродяги бессмертные Ленне подарки да кипу вестей со всего Королевства.

Но Ленну всё реже беспокоили дела мирские. У кровати её возвышались столбы из собственных записей и пометок, мудрых мертвецов выписанных формул и смелых слов. Краплек только и успевал, что приносить новую кипу пустого пергамента.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.